

АРТЕМИС ФАУЛТ

ЗОВ АТЛАНТИДЫ

ЙОН КОЛФЕР

Вселенная Артемиса Фаула

Йон Колфер
Зов Атлантиды

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

Колфер Й.

Зов Атлантиды / Й. Колфер — «Азбука-Аттикус»,
2010 — (Вселенная Артемиса Фаула)

ISBN 978-5-389-17074-2

Артемис Фаул — гений, это общеизвестный факт. Единственный человек, сумевший проникнуть в тайны волшебного народца. Наследник великой преступной империи Фаулов. Незаурядно и широко одаренный юноша. И при этом, по мнению многих, совершенно невыносимый тип. Впрочем, за те три года, что минули со времени его знакомства с волшебным народцем, у Артемиса появились друзья. Пройдя вместе с ним через огонь и воду, пережив путешествия во времени и в параллельные миры, они научились принимать его таким, какой он есть. Да и Артемис изменился. Друзья начали даже поговаривать, что он стал совершенно другим человеком.

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-17074-2

© Колфер Й., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Артемис Фаул	6
Глава 1	8
Глава 2	29
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Йон Колфер

Артемис Фаул. Зов Атлантиды

Посвящается Кьярану, который услышит много историй о резби

Eoin Colfer

ARTEMIS FOWL & THE ATLANTIS COMPLEX

Copyright © 2010 by Eoin Colfer

All rights reserved

Перевод с английского Николая Берденникова

© Н. В. Берденников, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

Артемис Фаул

Пока что все плохо

Жил-был в Ирландии мальчик, который хотел знать все на свете и читал книгу за книгой, пока мозги у него не распухли от астрономии, математического анализа, квантовой физики, романтической поэзии, криминалистики и антропологии помимо сотен других предметов. Но больше всего он любил одну тоненькую книжку. Сам он ее никогда не открывал, ее читал ему на ночь отец: старый томик в твердом переплете под названием «Золотой горшок» повествовал о жадном пареньке, изловившем лепрекона в тщетной попытке завладеть его сокровищами.

Отец произносил последнее слово на последней странице, то есть «Конец», закрывал потертый том в кожаном переплете, улыбался сыну и говорил: «Идея у этого мальчишка была верная. Спланируй он получше, все бы у него получилось». Довольно странное высказывание для отца. *Ответственного* отца, по крайней мере. Впрочем, это был нетипично ответственный родитель – Артемис Фаул I, ключевая фигура в одной из крупнейших преступных империй планеты. И ребенок тоже был нетипичный – Артемис Фаул II, которому в скором времени предстояло самому стать весьма выдающейся личностью как в человеческом мире, так и в волшебном, скрытом под человеческим.

«Спланируй он получше... – часто думал Артемис, после того как отец целовал его в лоб перед сном. – Спланируй он получше...»

Он засыпал, и ему снилось золото.

Подрастая, юный Артемис часто вспоминал о «Золотом горшке». Поступив в школу, он даже провел небольшое исследование и с удивлением обнаружил множество убедительных доказательств существования волшебного народца. Эти продолжительные часы изысканий и планирования служили мальчику не более чем легкомысленным развлечением, пока его отец не пропал в Арктике в результате одного недоразумения между ним и русской мафией. Империя Фаулов быстро развалилась, из всех щелей полезли кредиторы, а должники попрятались.

«Все зависит только от меня, – понял Артемис. – Я должен восстановить состояние и найти отца».

Поэтому он страхнул пыль с материалов о лепреконе. Он поймает представителя сказочного народца и потребует за него выкуп золотом.

«Только юный гений способен осуществить такой план, – справедливо заключил Артемис. – Достаточно взрослый, чтобы понимать принципы торговли, и достаточно юный, чтобы верить в волшебство».

С помощью своего могучего телохранителя Дворецки одиннадцатилетний Артемис и впрямь сумел поймать лепрекона и запереть его в укрепленном подвале поместья Фаулов. Но лепреконе оказался эльфийкой. И притом весьма человекоподобного вида. Артемис, планировавший пленить существо низшего порядка, вдруг почувствовал себя неловко, увидев, что похитил девушку.

Возникли и другие осложнения – эти лепреконе совсем не походили на дурацких феечек из сборников сказок. Они оказались гордыми, технически высокоразвитыми существами, бойцами элитного подразделения подземной полиции – Легиона подземной полиции разведывательного корпуса особого назначения, или, сокращенно, ЛеППРКОНа. И Артемис Фаул похитил Элфи Малой – первую эльфийку-капитана в истории подразделения. Поступок, отнюдь не снискавший ему любви хорошо вооруженного подземного мира.

Но несмотря на робкие укоры со стороны совести и отчаянные попытки сорвать его план со стороны подземной полиции, Артемис заполучил-таки свое золото, пусть и далеко не честным путем, а в обмен отпустил эльфийку.

Итак, все хорошо, что хорошо кончается?

Не совсем.

Не успела Земля опомниться после первого за многие десятилетия конфликта между людьми и волшебным народцем, как полиция Нижних Уровней раскрыла заговор, целью которого являлось снабжение банд гоблинов источниками питания для их лазеров модели «тупорыл». Подозреваемым номер один оказался, разумеется, Артемис Фаул. Элфи Малой доставила ирландского мальчишку на допрос в Гавань, подземный город волшебного народца, но тут, к ее немалому удивлению, выяснилось, что Артемис Фаул совершенно ни при чем. Эти двое заключили хрупкое соглашение, в соответствии с которым Артемис брался выследить поставщика гоблинов, а Элфи обещала помочь ему вызволить отца из лап захватившей его русской мафии. Обе стороны выполнили свои обязательства и в итоге преисполнились друг к другу уважения и доверия, подкрепленных общим язвительным чувством юмора.

Таковыми их отношения и оставались – до недавних пор. Но в последнее время кое-что изменилось. Разум Артемиса, по-прежнему острый, затуманился.

Если раньше Артемис видел то, чего не видел никто другой, то теперь он стал видеть то, чего вовсе не было...

Глава 1

Холодные флюиды

Ватнайёкюдль, Исландия

Ватнайёкюдль – крупнейший ледник в Европе, больше пяти тысяч иссиня-белых квадратных миль. Необитаемый и по большей части пустынный, он представляет собой идеальное с научной точки зрения место для того, чтобы Артемис Фаул продемонстрировал волшебному народцу, как именно он собирается спасти мир. Кроме того, эффектный фон никогда еще не вредил презентации.

Одним из уголков Ватнайёкюдля, куда люди иногда все-таки заглядывают, является ресторан «Большой поморник», расположенный на берегу ледникового озера и с мая по август обслуживающий туристов, любящих ползать по ледникам. Артемис договорился встретиться с владельцем закрытого до нового сезона заведения спозаранку первого сентября. В свой пятнадцатый день рождения.

Артемис вел снегоход вдоль неровного берега озера. Ледник здесь полого уходил в черную воду, чью поверхность украшали причудливые узоры из битых льдин. Ветер ревел в ушах, словно возбужденная толпа на стадионе, и приносил с собой острые, как наконечники стрел, льдинки, секшие нос и губы, словно картечью. Необозримое и безжалостное пространство, и Артемис прекрасно понимал: любая полученная в этой снежной пустыне травма приведет к быстрой и мучительной смерти – или как минимум к чудовищному унижению перед вспышками фотоаппаратов последних в этом сезоне туристов, что было бы немного менее мучительно, чем мучительная смерть, зато длилось бы дольше.

Владелец «Большого поморника» – дюжий исландец, гордый обладатель моржовых усов, размерами не уступавших размаху крыльев большого баклана, и малоправдоподобного имени Адам Адамсон, стоял на крыльце ресторана, прищелкивая пальцами и притопывая в такт звучавшей только у него в голове музыке, да еще находил время хихикать, наблюдая за неравномерным продвижением Артемиса по замерзшему берегу озера.

– Прекрасное представление, – сказал Адамсон, когда Артемис наконец воткнул нос снегохода в крыльцо ресторана. – Черт возьми, *hardur madur*¹, последний раз я так смеялся, когда мой пес пытался сожрать собственное отражение.

Артемис мрачно ухмыльнулся, понимая, что ресторатор потешается над его водительскими навыками, вернее, над их полным отсутствием. Бурча себе под нос, он принялся неуклюже слезать со снегохода, словно ковбой, у которого посреди трехдневного перегона скота пала лошадь, из-за чего пришлось оседлать самую толстую корову в стаде.

– Теперь ты и ворчишь совсем как мой пес, – загоготал старик.

Артемис Фаул терпеть не мог выглядеть нелепо, но в отсутствие телохранителя Дворецки приходилось полагаться лишь на собственные моторные навыки, а те, как известно, оставляли желать лучшего. Один остряк-шестиклассник из школы Св. Бартлби, наследник гостиничной империи, прозвал Артемиса Ловоножкой Фаулом – мол, у того обе ноги левые и он не может попасть по футбольному мячу ни одной из них. С неделю Артемис терпел обзывательства, а потом купил сеть отелей, которую предполагал унаследовать юморист. Насмешки мгновенно прекратились.

– Полагаю, все готово? – спросил Артемис, сжимая и разжимая пальцы в патентованных перчатках из неопрена.

¹ Крутой парень (исландский сленг). (Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, прим. перев.)

Он заметил, что одна ладонь нагрелась сильнее, – вероятно, когда он налетел на глыбу льда в полумиле вниз по берегу, термостат вышел из строя. Юноша выдернул провод питания зубами: особое переохлаждение ему не грозило, поскольку осенью температура в здешних местах держалась около нуля.

– И ты здравствуй, – отозвался Адамсон. – Приятно наконец встретиться с тобой лицом к лицу, если не с глазу на глаз.

Артемис не клюнул на закинутую Адамсоном приманку для «налаживания отношений». В данный момент в его жизни не было места очередному ненадежному другу.

– Мистер Адамсон, я не собираюсь просить руки вашей дочери, так что, думаю, мы можем пропустить светскую болтовню, которую вы чувствуете себя обязанным поддержать. Повторяю, все уже готово?

Заранее придуманные темы непринужденной беседы застряли у Адама Адамсона в горле, и он кивнул с полдюжины раз.

– Все готово. Твой ящик находится в задней комнате. Я доставил вегетарианские закуски и все необходимое из санатория «Голубая лагуна». Расставил сиденья, как ты просил в этом твоём лаконичном сообщении по электронной почте. Кстати, никто из твоих друзей до сих пор не появился, только ты один, и это после всех моих трудов...

Артемис извлек из багажного отсека снегохода алюминиевый чемоданчик.

– Не беспокойтесь на этот счет, мистер Адамсон. Почему бы вам не отправиться в Рейкьявик потратить часть непомерной суммы, содранной вами с меня за использование в течение пары часов вашего, честно говоря, третьеразрядного ресторана, и, может быть, найти какой-нибудь одинокий пенёк, готовый с удовольствием выслушать вашу скорбную повесть?

«Пара часов. Третьеразрядный. Два плюс три равно пять. Отлично».

Теперь настала очередь Адамсона ворчать, и его вислые моржовые усы слегка задрожали.

– Зачем же так, юный Фаул? Все мы люди. А людям положена толика уважения.

– Да ну? Может быть, спросим об этом китов? Или норок?

Адамсон нахмурился, его обветренное лицо сморщилось, как чернослив.

– Ладно, ладно. Я все понял. Не вижу, однако, почему я должен отвечать за все человечество. Все вы, подростки, одинаковы. Посмотрим, как поступит с планетой ваше поколение.

Артемис щелкнул замком чемоданчика ровно двадцать раз, прежде чем войти в ресторан.

– Поверьте, не все мы одинаковы, – сказал он, проходя мимо Адамсона. – Лично я намереваюсь поступить с планетой гораздо лучше, чем вы.

В зале ресторана имелось больше дюжины столов, заставленных перевернутыми стульями, и только один накрытый льняной скатертью, на нем стояли бутылки с ледниковой водой и лежали сумочки с туалетными принадлежностями у каждого из пяти мест.

«Пять, – подумал Артемис. – Хорошее число. Надежное. Предсказуемое. Четырежды пять – двадцать».

Совсем недавно Артемис решил, что пять – его число. Хорошие события происходили, когда участвовала пятерка. Логическая часть его разума твердила о нелепости данной идеи, но трудно игнорировать тот факт, что все трагедии в его жизни случились в те годы, которые не делились на пять: его отец пропал и стал калекой, старый друг и глава полиции Нижних Уровней Джулиус Крут из ЛеППРКОНа был убит печально известной пикси Опал Кобой, – и оба этих события произошли в годы без пятерок. Рост Артемиса составлял пять футов и пять дюймов, а весил он пятьдесят пять килограммов. Если он касался чего-либо пять раз или кратно этому числу, вещь не подводила. Дверь, например, оставалась закрытой, или талисман продолжал защищать проход, как и полагалось.

На этот раз все приметы выглядели благоприятными. Ему пятнадцать лет. Три раза по пять. В Рейкьявике он остановился в гостиничном номере сорок пять. У снегохода, доставив-

шего его сюда в целостности и сохранности, был кратный пяти регистрационный номер, а объем двигателя составлял пятьдесят кубических сантиметров. Все нормально. Он ждал четверых гостей, но вместе с ним получится пятеро. Никаких причин для паники.

Но какая-то частица Артемиса Фаула содрогалась от ужаса при одной мысли, что он поддался такому нелепому суеверию.

«Возьми себя в руки. Ты – Фаул. Фаулы не полагаются на удачу. Избавься от этих смехотворных наваждений и навязчивых идей».

Артемис пощелкал замком чемоданчика, чтобы умиротворить богов чисел – двадцать раз, четырежды пять, – и почувствовал, как замедляется биение сердца.

«Избавлюсь от дурных привычек завтра, когда покончу с этим делом».

Он слонялся по предназначенному для метрдотеля возвышению, пока Адамсон на своем тракторе-снегоходе не скрылся за изогнутым снежным хребтом, который вполне мог некогда служить позвоночником киту. После этого Артемис выждал еще минуту, пока отдаленный рокот двигателя не превратился в хрип заядлого курильщика.

Отлично. Пора заняться делом.

Артемис спустился по пяти ступенькам на пол главного зала ресторана (превосходно, хорошая примета), обошел несколько колонн, увешанных копиями маски из Стора-Борга², и остановился во главе накрытого стола. Стулья были расставлены так, чтобы сидящие на них смотрели на него, и легкое мерцание, похожее на полуденное марево, прокатывалось по ска-терти.

– Доброе утро, друзья, – приветствовал Артемис гостей, заставив себя произносить слова гномьего языка уверенным, почти веселым тоном. – Сегодня нам предстоит спасти мир.

Марево словно зарядилось электричеством, неоновые-белые помехи с треском пробежали по нему, и в глубине, как призраки во сне, проступили лица. Затем их черты сделались отчетливее, появились туловища и конечности. Возникли маленькие, почти детские фигурки. Почти, но не совсем. Гости были представителями волшебного народца, и некоторых из них Артемис считал друзьями. Других друзей у него пожалуй что и не было.

– Спасти мир? – язвительно переспросила капитан ЛеППРКОНа Элфи Малой. – Все тот же старина Артемис Фаул, и речь моя полна сарказма, поскольку спасти мир совсем не в твоём духе.

Артемис понимал, что следует улыбнуться, но не смог, поэтому нашел к чему прицепиться, вполне в своём духе.

– Жеребкинс, тебе нужен новый усилитель защитного экрана, – сказал он кентавру, неуклюже восседавшему на стуле, предназначенном для людей. – Я заметил мерцание еще с крыльца. И ты называешь себя экспертом в области техники? Сколько лет этому, которым ты пользуешься?

Жеребкинс топнул копытом, что было признаком раздражения и причиной его вечных проигрышей в карты.

– Я тоже рад тебе, вершок.

– Сколько лет мы не виделись?

– Не помню. Года четыре.

– Четыре. Вот видишь. Что это еще за модель?

Жеребкинс презрительно оттопырил нижнюю губу.

– Еще? Вот именно что еще! Этот усилитель прослужит *еще* сотню лет. Может быть, его стоит немного подстроить, но не более того.

Элфи встала и легким шагом прошла во главу стола.

² Маска предположительно ритуального назначения, найденная в Стора-Борге на юге Исландии.

– Вам обязательно с ходу начинать препираться? За столько лет не приелось? Словно две дворянки, метящие территорию. – Она положила два тонких пальца Артемису на предплечье. – Отстань от него, Артемис. Ты прекрасно знаешь, как обидчивы кентавры.

Артемис не смел посмотреть ей в глаза. Он ровно двадцать раз пошевелил пальцами в левом зимнем ботинке и сказал:

– Очень хорошо. Давайте сменим тему.

– Согласна, – произнесла третья представительница волшебного народца. – Ради встречи с тобой, Фаул, мы пересекли всю Россию. Поэтому нельзя ли по возможности сменить тему на ту, для обсуждения которой мы прибыли?

Командующий Рэйн Винияйа явно была недовольна тем, что оказалась так далеко от своей любимой Полис-Плаза. Она приняла на себя общее командование полицией Нижних Уровней несколько лет назад и гордилась тем, что была в курсе любой выполняемой операции.

– Артемис, у меня есть ряд неотложных дел. Пикси взбунтовались и требуют освобождения Опал Кобой, кроме того, случилось новое нашествие жаб-сквернословов. Пожалуйста, сделай всем нам одолжение и приступи к делу.

Артемис кивнул. Винияйа демонстрировала открытую враждебность, а открытая враждебность заслуживает доверия, если, конечно, эльфийка не блефует, являясь на самом деле его тайной поклонницей, или не блефует вдвойне и действительно испытывает к нему неприязнь.

«Это звучит абсурдно, – понял Артемис. – Даже для меня».

Командующий Винияйа, едва с метр ростом, вид имела грозный, и Артемис понимал, что недооценивать ее было бы рискованно. В свои без малого четыреста лет (что по меркам волшебного народца означало, что она лишь вступила в средний возраст) она производила неизгладимое впечатление – стройная и смуглая, с пронзительными глазами. Зрачки у нее были вертикальные, как у кошки, но больше всего в ее внешности потрясали даже не эти удивительные глаза (у эльфов такое пусть редко, но встречается), а копна серебристых волос, впитывавшая, казалось, любой свет и рассыпавшая его рябью по плечам хозяйки.

Артемис откашлялся, выбросил на время из головы числа и переключил внимание на проект, или, как он предпочитал его называть про себя, ПРОЕКТ. В конце концов, коли на то пошло, только этот план и имел значение.

Элфи легонько сжала его плечо.

– Ты какой-то бледный. Бледнее, чем обычно. С тобой все в порядке, именинник?

Артемис наконец смог посмотреть ей в глаза – один карий, другой голубой, окаймленные широким лбом и длинным локоном рыжеватых волос, явно не соответствовавших обычной уставной стрижке Элфи.

– Сегодня мне исполнилось пятнадцать лет, – пробормотал Артемис. – Три раза по пять. И на мой взгляд – это замечательно.

Элфи прищурилась. Артемис Фаул бормочет? И даже не отметил, что она сменила прическу... Обычно Артемис мгновенно замечал физические изменения.

– Вероятно... ты прав. А где Дворецки? Обходит дозором?

– Нет, я послал его в другое место. Помощь понадобилась Джульетте.

– Ничего слишком серьезного?

– Скорее необходимое, чем слишком серьезное. Семейные дела. Он счел, что может доверить вам заботу обо мне.

Элфи поджала губы, словно ей в рот попало что-то кислое.

– Решил, что кто-то другой в силах обеспечить безопасность его хозяина? Ты уверен, что мы говорим именно о Дворецки?

– Конечно уверен. Кстати, я даже рад его отсутствию. Всякий раз, когда мои планы шли прахом, он оказывался рядом. А сейчас просто жизненно необходимо, чтобы эта встреча продолжалась и закончилась полным успехом.

У потрясенной Элфи по-настоящему отвисла челюсть. Вид получился комичный. Если она правильно поняла Артемиса, тот винил в провале предыдущих планов Дворецки. Дворецки? Своего самого преданного союзника?

– Хорошая мысль. Продолжим. Нам четверым предстоит запустить это шоу.

Это ужасное число произнес Жеребкинс, не задумываясь о последствиях.

Четыре... Очень скверное число. Самое худшее. Китайцы ненавидят его, потому что оно звучит так же, как слово «смерть».

Плохо, что это произнесли вслух, но еще хуже, что в зале ресторана их было действительно четверо. Видимо, командующий Труба Келп не смог присутствовать. Несмотря на историческую взаимную неприязнь, Артемис предпочел бы видеть Келпа за этим столом.

– Элфи, а где командующий Келп? Я думал, он примет участие в нашей встрече. Нам не помешала бы надежная защита.

Элфи вытянулась у стола, словно аршин проглотив, в синем форменном комбинезоне с гроздьё сверкающих желудей на груди.

– У Трубы... командующего Келпа достаточно неотложных дел в штаб-квартире на Полис-Плаза, но не переживай, у нас над головой висит в невидимом шаттле целое тактическое подразделение полиции. Даже песец не подкрадется к нам, не подпалив хвост.

Артемис сбросил зимнюю куртку и снял перчатки.

– Спасибо, капитан. Ваша безупречная добросовестность вселяет в меня мужество. Кстати, позвольте поинтересоваться, сколько всего бойцов в отряде? Сколько именно? Точно.

– Четырнадцать, – ответила Элфи, удивленно подняв угловатую бровь.

– Четырнадцать. Гмм. Не слишком много... – Вдруг его осенило. – И еще пилот, я полагаю?

– Четырнадцать, включая пилота. Вполне достаточно, чтобы справиться с любым отрядом людей, какой попробует на них напасть.

На мгновение показалось, что Артемис Фаул готов развернуться и прервать встречу, на которой сам же настоял. На шее у него забилась жилка, указательный палец принялся выбивать дробь на деревянной спинке стула. Потом Артемис проглотил комок в горле и кивнул с нервностью, вылезшей на всеобщее обозрение, словно канарейка из пасти кошки, перед тем как навеки исчезнуть в кошачьем чреве.

– Очень хорошо. Четырнадцати вполне достаточно. Элфи, будь добра, присаживайся. Позвольте рассказать вам о моем проекте.

Элфи медленно отошла, высматривая на лице Артемиса признаки его всегдашней самоуверенности, обычно прятавшиеся в уголках надменного рта. И ничего не увидела.

«Не знаю, что у него за проект, – подумала она, – но явно немаленький».

Артемис поставил чемоданчик на стол, открыл его и развернул, чтобы все увидели экран на внутренней поверхности крышки. На мгновение ирландец не смог скрыть восхищение устройством и даже позволил себе едва заметно ухмыльнуться в сторону Жеребкинса. Впрочем, ухмылка растянула губы не более чем на сантиметр.

– Посмотрите, этот крошечный ящик непременно придется вам по вкусу.

Жеребкинс презрительно фыркнул.

– О, клянусь звездами! Это... неужели это... ноутбук? Арти, ты просто убил нас всех своей гениальностью.

Сарказм кентавра вызвал стоны у всех присутствующих.

– В чем дело? – спросил он. – Это ноутбук. Даже люди не могут рассчитывать удивить кого-либо ноутбуком.

– Насколько я знаю Артемиса, – сказала Элфи, – нас ждет нечто впечатляющее. Я права?

– Это решать вам, – сказал Артемис, нажимая на кнопку сканера.

Сканер мигнул, рассматривая подставленный большой палец, потом загорелся зеленым светом, решив принять увиденное. Пару секунд ничего не происходило, затем внутри чемоданчика заурчал моторчик, словно там потягивалась маленькая довольная кошка.

– Двигатель, – сказал Жеребкинс. – Подумаешь.

Усиленные металлические уголки крышки вдруг отделились от нее, разлетелись по сторонам, толкаемые реактивными струйками, и присосались к потолку. Одновременно экран вернулся до площади в один квадратный метр, а по кромкам появились полоски динамиков.

– Большой экран, ну и что? – сказал Жеребкинс. – Игра на зрителя. Не хватает только нескольких комплектов трехмерных очков.

Артемис нажал еще на одну кнопку, и присосавшиеся к потолку уголки обернулись проекторами, откуда четырьмя потоками хлынули цифровые данные, через несколько мгновений создавшие в центре зала вращающуюся модель планеты Земля. На экране появился логотип компании «Фаул индастриз» в окружении нескольких файлов.

– Голографический ящик, – произнес Жеребкинс, с удовольствием сохраняя невозмутимость. – У нас они давным-давно.

– Ящик совсем не голографический, – сказал Артемис, – а реальный, но изображения, которые вы видите, голографические. Я внес несколько обновлений в систему полиции Нижних Уровней. Чемоданчик синхронизирован с несколькими спутниками, и находящиеся на борту компьютеры могут составлять в режиме реального времени изображения объектов, расположенных за пределами диапазона чувствительности датчиков.

– У меня есть такая система дома, – пробормотал кентавр. – Для детской игровой приставки.

– Кроме того, система оборудована интеллектуальным интерактивным интерфейсом, при помощи которого я могу создавать или изменять объекты, надев специальные трехмерные перчатки, – продолжил Артемис.

Жеребкинс нахмурился.

– Ладно, вершок. Неплохо. – Он не удержался и добавил: – Для человека.

Зрачки Винияйа сузились из-за света проекторов.

– Все это очень мило, Фаул, но цель встречи нам до сих пор неизвестна.

Артемис вошел в голограмму и надел парящие над Австралией трехмерные перчатки. Перчатки с толстыми цилиндрическими пальцами и незатейливой, словно изготовленной из полистирола манжетой слегка просвечивали. Сканер чемоданчика снова замигал, раздумывая, следует ли признать ладони Артемиса. Перчатки негромко пискнули и сжались, образовав вторую кожу вокруг пальцев, причем каждый сустав выделялся цифровым маркером.

– Земля, – начал юноша, подавив стремление открыть папку с заметками и сосчитать слова. Он знал свою лекцию наизусть. – Наш дом. Она дает нам пищу и кров. Если бы не ее притяжение, мы давно улетели бы в космос и замерзли, правда, потом оттаяли бы и зажарились на Солнце, что, впрочем, не имеет большого значения, так как к тому времени мы давно умерли бы от удушья. – Артемис умолк в ожидании смеха и удивился, его не услышав. – Это была небольшая шутка. Я прочел в руководстве по составлению презентаций, что шутка способствует непринужденности общения, помогает, так сказать, растопить лед. Кстати, я включил в данную шутку растопленный лед в качестве дополнительного уровня юмора.

– Так это была шутка? – спросила Винияйа. – Я отдавала офицеров под трибунал за менее серьезные проступки.

– Если мне попадается гнилой фрукт, я выбрасываю его, – добавил Жеребкинс. – Почему бы тебе не заняться наукой, а шутки оставить тем, кто имеет в этом деле хоть какой-то опыт?

Артемис хмурился, расстроенный незапланированным отступлением, – ведь теперь он не знал, сколько слов получится в речи. Если он закончит на четном, общее число может оказаться

не кратным пяти, и тогда жди беды. Может, начать сначала? Нет, это жульничество, боги чисел просто сложат две речи вместе, и станет только хуже.

«Сложно. Так трудно не сбиться со счета даже мне».

Но надо продолжать, потому что ПРОЕКТ жизненно необходимо представить сейчас, сегодня, чтобы незамедлительно приступить к изготовлению ПРОДУКТА. Поэтому Артемис запер неуверенность в сердце и с жаром пустился излагать дальше, почти не останавливаясь перевести дух, поскольку опасался, что тогда мужество оставит его.

– Человек – наибольшая угроза для Земли. Мы извлекаем из недр планеты ископаемое топливо, а потом используем его против нее же, вызывая глобальное потепление. – Артемис указал трехмерным пальцем на большой экран, открыв подтверждающие его слова видеофайлы. – Ледники теряют не меньше двух метров толщины в год, а это полмиллиона квадратных миль только в Северном Ледовитом океане за последние тридцать лет. – За его спиной при помощи видеофайлов демонстрировались некоторые последствия глобального потепления.

– Мир нуждается в спасении, – продолжал юноша. – Теперь я наконец понимаю, что именно мне предстоит его спасти. Потому-то я и гений. В этом и заключается смысл моего существования.

Винияйа постучала по столу указательным пальцем.

– В Гавани существует довольно влиятельное лобби, полагающее, что препятствовать глобальному потеплению не следует. Люди уничтожат сами себя, и мы вернем себе планету.

Артемис был готов к подобному замечанию.

– Очевидный аргумент, командующий, но ведь опасность грозит не только людям. – Он открыл еще несколько файлов, и все увидели тощих белых медведей, плывущих на обломках льдин, лосей в Мичигане, заживо пожираемых клешнями, обесцвеченные коралловые рифы, лишенные каких бы то ни было признаков жизни. – Это затронет всех существ на поверхности планеты или под ней.

Жеребкинса презентация явно раздражала.

– По-твоему, мы не задумывались об этом, вершок? По-твоему, именно эта проблема не занимала умы всех ученых в Гавани и Атлантиде? Честно говоря, я нахожу эту лекцию унижительной.

Артемис пожал плечами.

– Твои чувства не имеют значения. Равно как и мои. Землю надо спасать.

Элфи резко выпрямилась.

– Только не говори, что ты нашел решение проблемы.

– Думаю, нашел. Как минимум вариант.

Жеребкинс фыркнул.

– Честно? Дай угадаю. Обернуть айсберги? Или выстрелить в атмосферу линзами, преломляющими лучи? А как насчет заказного облачного покрова? Уже теплее?

– Нам всем уже теплее, – сказал Артемис. – В этом и состоит проблема. – Он поднял одной рукой голограмму Земли и закрутил ее, как баскетбольный мяч. – Все подобные решения могут сработать, правда, с некоторыми поправками. Но они требуют слишком значительного межгосударственного сотрудничества, а как нам хорошо известно, человеческие правительства не любят делиться игрушками. Возможно, лет через пятьдесят ситуация изменится, но будет поздно.

Командующий Винияйа всегда гордилась своей способностью правильно оценивать ситуацию, и сейчас интуиция грохотала у нее в ушах тихоокеанским прибором. Настал исторический момент, даже воздух, казалось, наэлектризовался.

– Продолжай, человек, – произнесла она тихо, но властно. – Расскажи нам.

Артеemis при помощи трехмерных перчаток выделил области оледенения и преобразовал массу льда в квадрат.

– Защитное покрытие ледников – великолепная идея, но даже если бы их топография была исключительно проста, то есть представляла собой плоский квадрат, нескольким армиям понадобилось бы полвека, чтобы справиться с такой задачей.

– Не знаю, не знаю, – возразил Жеребкинс. – По-моему, ваши лесорубы уничтожают тропические леса значительно быстрее.

– Балансирующие на грани закона действуют быстрее тех, кто законом связан, вот тут-то и вступаю я.

Жеребкинс закинул ногу на ногу – непростой трюк для сидящего на стуле кентавра.

– Говори же. Я весь внимание.

– Скажу. И буду признателен, если ты воздержишься от обычных воплей ужаса и недоверия, пока я не закончу. Когда каждую выдвинутую мной идею встречают возгласами, это очень утомляет и мешает считать слова.

– О боги! – воскликнул Жеребкинс. – С ума сойти.

Рэйн Винияа бросила на кентавра предостерегающий взгляд.

– Кончай троллить, Жеребкинс. Я проделала слишком долгий путь ради этого, и у меня очень мерзнут уши.

– Может, мне стоит прижать кентавру одно из нервных сплетений, чтобы он замолчал? – предложила Элфи с едва заметной усмешкой. – На случай необходимости я изучила способы вывода из строя не только людей, но и кентавров. Если понадобится, могу одним пальцем или крепким карандашом вырубить любого из здесь присутствующих.

Жеребкинс был на восемьдесят процентов уверен в том, что Элфи блефует, но тем не менее прикрыл ладонями ганглии над ушами.

– Хорошо, молчу-молчу.

– Отлично. Продолжай, Артеemis.

– Спасибо. Но держи свой крепкий карандаш наготове, капитан Малой. Думаю, кое-кто наверняка отнесется к моим словам со вполне понятным недоверием.

Элфи подмигнула, похлопав себя по карману.

– Простой карандаш два-эм идеально подходит для быстрого разрушения органа.

Элфи, конечно, шутила, но думала явно о другом. Артеemis чувствовал, что ее замечания – лишь попытка скрыть тревогу. Он потер лоб большим и указательным пальцем, чтобы из-под руки незаметно взглянуть на своего давнего друга. Элфи хмурилась, а взгляд ее был полон беспокойства.

«Она знает, – понял Артеemis, но что именно она знает, сказать не мог. – Она знает: что-то изменилось, даже числа обернулись против меня. Дважды два, то есть четыре подземных жителя сорвут все мои планы».

Затем Артеemis обдумал последнюю фразу, и на миг ее бредовость стала для него настолько очевидной, что страх заворочался под ложечкой, будто огромный питон.

«Может, у меня опухоль мозга? – подумал он. – Тогда одержимость, галлюцинации и паранойя вполне объяснимы. Или это просто невроз навязчивых состояний? Великий Артеemis Фаул пал жертвой обычного недомогания».

Юноша решил прибегнуть к старому приему гипнотерапии: «Представь себя в приятном месте. Там, где чувствуешь себя счастливым и безопасным...»

Счастливым и безопасным? Давно он себя таким не чувствовал.

Артеemis предоставил мыслям плыть, куда им вздумается, и оказался на маленькой табуретке в мастерской своего дедушки. Дедушка, с видом чуть более хитрым, чем помнил Артеemis, подмигнул пятилетнему внуку и сказал:

«Арти, знаешь, сколько ножек у этой табуретки? Три. Только три, и это плохое число для тебя. Совсем плохое. Почти такое же плохое, как четыре, а мы знаем, как звучит „четыре“ по-китайски».

Артемис поежился, болезнь искажала даже воспоминания. Он сжал большой и указательный пальцы левой руки так, что подушечки побелели. Так он добивался спокойствия, когда вызванная числами паника зашкаливала, но в последнее время справиться с ней удавалось все реже и реже, и сейчас он не добился никакого эффекта.

«Теряю самообладание, – подумал он с тихим отчаянием. – Болезнь побеждает».

Жеребкинс откашлялся, и этот звук проткнул пузырь забытья Артемиса.

– Эй? Вершок? Важные шишки ждут. Продолжай.

И голос Элфи:

– Артемис, с тобой все в порядке? Может быть, тебе нужно передохнуть?

Артемис едва не расхохотался.

Передохнуть во время презентации? С тем же успехом можно было явиться сюда в футболке с надписью «МНЕ К ПСИХИАТРУ».

– Нет. Со мной все в порядке. Это большой проект, самый большой в жизни. Просто хочу, чтобы моя презентация выглядела идеально.

Жеребкинс подался вперед, и его изначально неустойчивый стул опасно зашатался.

– Видок у тебя нехороший, вершок. Выглядишь... – Кентавр пососал нижнюю губу, подбирая слово. – Разбитым, Артемис. Ты выглядишь разбитым.

Ничего лучше он, видимо, сказать не мог.

Артемис выпрямился.

– Сдается мне, Жеребкинс, ты не очень-то разбираешься в выражениях человеческих лиц. Может, наши физиономии недостаточно вытянуты, на твой взгляд. Я не разбит ни в каком смысле. Просто думаю над каждым словом.

– А ты не мог бы думать немного быстрее? – мягким тоном предложила Элфи. – Мы здесь как на ладони.

Артемис закрыл глаза и попытался собраться.

Винияа забарабанила пальцами по столу.

– Довольно проволочек, человек. Я начинаю подозревать, что ты втянул нас в один из своих пресловутых планов.

– Нет. Это честное предложение. Прошу, выслушайте меня с максимальным вниманием.

– Я и пытаюсь. Я хочу услышать. Я проделала долгий путь именно ради этого, но пока ты только хвастаешься чемоданчиком.

Артемис поднял руки на уровень плеч, активируя трехмерные перчатки, и постучал по леднику.

– Нам необходимо укрыть значительную часть ледников во всем мире светоотражающим покрытием, чтобы замедлить процесс таяния. Покрытие должно утолщаться к краям, где лед тает максимально быстро. Кроме того, недурно было бы закупорить самые крупные водосточные колодцы.

– Многое неплохо бы сделать – в идеальном мире, – произнес Жеребкинс, снова нарушив, а точнее, даже разрушив свое обещание помалкивать. – Тебе не кажется, что люди несколько расстроятся, если из-под земли вдруг вылетят маленькие существа на космических кораблях и примутся накрывать грот Санты отражающей фольгой?

– Они... мы... расстроимся. Именно поэтому данная операция должна быть секретной.

– Тайно укрыть все ледники в мире? Так бы и сказал.

– Я так и сказал, и, по-моему, мы договорились, что ты сидишь тихо. Постоянные препирательства утомляют.

Элфи, подмигнув Жеребкинсу, покрутила в пальцах карандаш.

– Проблема защиты айсбергов всегда заключалась в способе нанесения отражающего покрова, – продолжил Артемис. – Казалось, его можно только раскатать подобно ковру либо вручную, либо с помощью переделанных гусеничных снегоходов.

– Что едва ли можно назвать тайной операцией, – заметил Жеребкинс.

– Вот именно. А что, если существует другой способ нанести отражающее покрытие, вполне естественный на вид?

– Работа с природой?

– Именно, Жеребкинс. Природа – наш образец для подражания и всегда должна быть им.

Казалось, в зале становится теплее, по мере того как Артемис приближается к открытию.

– Наши ученые давно пытаются создать отражающую пленку, достаточно тонкую, чтобы с ней было легко работать, и достаточно прочную, чтобы противостоять воздействию неподвластных нам сил стихии.

– Глупо.

– Ошибаешься, кентавр. Определенно не глупо. Твои же собственные секретные файлы...

– Я некоторое время обдумывал идею применения фольги. Кстати, где ты видел мои файлы?

Вопрос был риторический. Жеребкинс давно свыкся с мыслью, что Артемис Фаул не менее талантливый хакер, чем он сам.

– Основная идея в высшей степени разумна. Создать идеальный отражающий полимер. Жеребкинс кусал костяшки пальцев.

– Природа. Использовать природу.

– Какой материал здесь наверху самый естественный? – слегка намекнул Артемис.

– Лед, – сказала Элфи. – Лед и...

– Снег, – почти благоговейно прошептал кентавр. – Конечно. Д'арвит, почему я сам... Снег, я прав?

Артемис поднял трехмерные перчатки, и на присутствующих посыпался голографический снег.

Жеребкинс вскочил на ноги.

– Увеличь, – велел он. – Увеличь и расширь.

Артемис коснулся голографической чешуйки, заставив ее замереть в воздухе.

Еще парой движений он увеличил поддельную снежинку, и ее неправильная форма стала очевидной. Она была неправильно правильна – идеальный круг.

– Нанопластинка, – выдохнул Жеребкинс, в кои-то веки позабыв скрыть восторг. – Клянусь, настоящая нанопластинка. Умная?

– Исключительно умная, – подтвердил Артемис. – Настолько умная, что способна определить, какой стороной она опустилась на поверхность, и сконфигурировать себя на полную изоляцию льда и отражение солнечных лучей.

– Значит, мы насыщаем ими облака?

– Именно так, буквально под завязку.

Жеребкинс, цокая копытами, нырнул в голографический снегопад.

– А потом они лопаются, у нас появляется покрытие.

– Правда, расти оно будет постепенно, но действовать начнет практически сразу.

– Мои поздравления, вершок.

Артемис улыбнулся, на мгновение став самым собой.

– Думаю, это весьма своевременное признание.

Винияйа прервала сей праздник любви к науке.

– Позвольте уточнить, правильно ли я поняла. Вы стреляете этими пластинками в облака и они выпадают на землю со снегом?

– Да. В крайних случаях можно стрелять непосредственно по поверхности, но из соображений безопасности замаскированным сеятелям лучше зависнуть над облачным покровом.

– И ты способен это сделать?

– Мы вместе – способны. Совету придется утвердить строительство целого флота модифицированных шаттлов, это помимо станции мониторинга.

Элфи занимала совсем другая проблема.

– Эти пластинки совсем не похожи на снежинки. Рано или поздно какой-нибудь человек с микроскопом заметит отличие.

– Прекрасная мысль, Элфи. Возможно, мне стоит учесть, что по части интеллекта ты все же отличаешься от своих товарищей по ЛеППРКОНу.

– Спасибо, наверное.

– Когда пластинки наконец обнаружат, я разверну в Интернете кампанию, объясняющую их появление выбросами отходов производства с химических заводов России. Я также подчеркну, что впервые отходы цивилизации действительно помогают защите окружающей среды, и предложу финансировать программу по расширению площади покрытия.

– Существует опасность загрязнения? – поинтересовалась Винияйа.

– Вряд ли. Пластинки биологически разлагаются.

Жеребкинса переполняло возбуждение. Он гарцевал внутри голограммы и пристально рассматривал увеличенную пластинку.

– Звучит неплохо. Но как обстоят дела на самом деле? Вряд ли ты рассчитываешь, что волшебный народец без веских доказательств вдруг отвалит крупные и бессрочные суммы на подобный проект. Откуда мы знаем, что это не новая твоя махинация?

Артемис открыл на экране очередной файл.

– Вот моя финансовая отчетность. В ее правильности я не сомневаюсь, поскольку обнаружил ее у тебя на сервере.

Жеребкинс даже не покраснел.

– Выглядит убедительно.

– Я готов вложить в этот проект все, что у меня есть. Это позволит держать в воздухе порядка пяти шаттлов в течение двух лет. В итоге, когда пластинки пойдут в производство, естественно, появится прибыль. Я верну свои инвестиции, возможно, даже с прибылью.

Жеребкинс едва не поперхнулся.

Артемис Фаул вкладывает собственные деньги в проект. Невероятно!

– Нет, конечно, я не рассчитываю, что народец поверит мне на слово. В конце концов... – Артемис откашлялся. – В недалеком прошлом я не слишком охотно делился информацией.

Винияйа невесело засмеялась.

– Не слишком охотно? Думаю, Артемис, для похитителя и вымогателя ты чересчур снисходителен к самому себе. «Не слишком охотно»? Умоляю! Лично я склонна поверить твоей болтовне, но не все члены Совета настолько благоволят тебе.

– Принимаю вашу критику и скепсис, потому и организовал данную демонстрацию.

– Великолепно! – с жаром воскликнул Жеребкинс. – Конечно, это была демонстрация. Иначе зачем ты притащил нас сюда?

– И правда, зачем мне все это...

– Чтобы опять кого-нибудь похитить и потребовать выкуп? – язвительно предположила Винияйа.

– Это было очень давно, – выпалила Элфи тоном, каким обычно не обращалась к вышестоящему офицеру. – Я хотела сказать... это было очень давно... командующий. Артемис стал хорошим другом народца.

Элфи Малой имела в виду отчаянное положение, возникшее во время мятежа гоблинов, и то, как Артемис Фаул спас жизнь ей и многим другим.

Винияйа, очевидно, тоже вспомнила восстание гоблинов.

– Ладно. Включаем презумпцию невиновности, Фаул. У тебя есть двадцать минут на то, чтобы убедить нас.

Артемис пять раз хлопнул по нагрудному карману, проверяя телефон.

– Это займет не больше десяти, – ответил он.

У Элфи Малой имелся немалый опыт в переговорах по освобождению заложников, но даже она, понимая всю важность поднятой темы, то и дело отвлекалась от обсуждения нанопластин на странности в поведении Артемиса. Время от времени она вставляла замечания по ходу презентации, но больше всего в жизни ей хотелось сжать в ладонях лицо Артемиса и спросить, в чем дело.

«Хотя мне придется встать на стул, чтобы дотянуться до его лица, – мысленно усмехнулась Элфи. – Мой друг уже стал почти взрослым. Взрослым и сформировавшимся человеком. Возможно, он борется со своей врожденной кровожадностью и это сводит его с ума».

Элфи внимательно разглядывала Артемиса. Он был бледен, бледнее обычного, словно дитя ночи. Снежный волк. Выступающие скулы и треугольная форма лица только усиливали впечатление. Может, дело в ином, но Элфи почудилось несколько седых волосков у него на висках.

«Он словно постарел. Жеребкинс был прав. Артемис выглядит разбитым».

Да еще этот задвиг на часах. И пальцы Артемиса, ни минуты не лежавшие спокойно. Сначала их движения показались Элфи хаотичными, но потом она, повинувшись наитию, стала подсчитывать их и быстро выявила закономерность. Пять или число, кратное пяти.

«Дарвит, – подумала она. – Синдром Атлантиды».

Она включила быстрый поиск в магипедии и скоро получила краткий результат:

Синдром Атлантиды (син-дром Ат-лан-ти-ды) – душевное заболевание, характерное для терзаемых раскаянием преступников, впервые диагностированное доктором Э. Диппом в Атлантической мозгологической клинике. К другим симптомам относятся: навязчивые состояния, паранойя, бредовые идеи и, в исключительных случаях, расщепление личности. Доктор Э. Дипп известен также как автор шлягера «Ты сводишь меня с ума».

Элфи предпочла счесть последнюю фразу проявлением магипедического юмора.

Жеребкинс пришел насчет Артемиса к аналогичному выводу и сообщил об этом в текстовом сообщении, переданном на лежавший на столе перед Элфи шлем.

Элфи щелкнула по забралу, чтобы перевернуть текст.

Наш мальчик одержим? Атлантида?

Элфи вызвала на забрале гномью клавиатуру и медленно, стараясь не привлекать внимания, набрала:

Возможно. Пятерки?

Она отправила сообщение.

Да, пятерки. Классический симптом.

Через несколько секунд:

Демонстрация! Класс. Я а демонстрации.

Элфи удалось сохранить невозмутимость, на случай если Артемис перестанет считать слова и посмотрит в ее сторону. Жеребкинс никогда не мог надолго сосредоточиться на чем-либо, кроме своих любимых проектов.

Видимо, это специфическое свойство гениев.

Казалось, стихийные духи Исландии затаили дыхание ради демонстрации Артемиса. В пасмурном небе рядами стираной кисеи повисла дымка.

Представители волшебного народа почувствовали легкую вибрацию термоконтуров в своих костюмах, когда вслед за Артемисом вышли через черный ход из ресторана. Тылная часть заведения Адама Адамсона оказалась еще непригляднее, чем фасад. Вялые попытки сделать «Большого поморника» привлекательным явно не коснулись задворок. Фреска с китом, имевшая такой вид, словно Адамсон писал ее собственноручно, используя вместо кисти живого песка, внезапно обрывалась над служебным входом, так что несчастный горбач остался без головы. В некоторых местах большие пласты штукатурки отслоились от стены и оказались втоптаны в снег и грязь.

Артемис подвел группу гостей к накрытому брезентом большому кубу.

Жеребкинс фыркнул.

– Сейчас догадаюсь. С виду обычный садовый брезент, а на самом деле камуфляжная фольга с ретропроекцией, изображающей обычный брезент?

Прежде чем ответить, Артемис сделал еще два шага, затем кивнул каждому, чтобы все оставались на своих местах. По спине у него сползла капля пота – его терзало подозрение, что он терпит поражение в битве с навязчивым состоянием.

– Нет. Ткань выглядит брезентом, потому что это брезент, – сказал он. – Да, брезент.

Жеребкинс прищурился.

– Простой брезент? Мы стали действующими лицами одной из знаменитых оперетт Кальмана? – Он, откинув назад голову, пропел: – «Да, кентавр я, кентавр – так что же?» Фанера не в твоём стиле, Артемис.

– Жеребкинс запел, – сказала Элфи. – Уверена, это противозаконно.

Винияйя щелкнула пальцами.

– Тихо, дети. Подавите в себе естественные деструктивные позывы. Мне не терпится увидеть эти нанопластины в действии, прежде чем направить шаттл к теплому ядру нашей планеты.

Артемис едва заметно поклонился.

– Командующий, примите мою искреннюю благодарность.

«Снова пять слов, – подумала Элфи. – Доказательства копятя».

Артемис протянул руку к Элфи Малой, словно представляясь зрителям в театре.

– Капитан, сорви, пожалуйста, покров. У тебя настоящий дар к расчленению всякого рода вещей.

Элфи с радостью ухватилась за возможность хоть что-то сделать. Она, конечно, предпочла бы серьезно поговорить с Артемисом, но возня с ящиком, по крайней мере, избавляла от необходимости заглатывать очередную порцию научных фактов.

– С удовольствием, – откликнулась она и набросилась на брезент так, словно тот оскорбил ее бабушку. Пальцы правой руки внезапно украсили острые лезвия: три выверенных взмаха, и обрывки брезента волнами опустились на землю.

– Может быть, займешься и ящиком, капитан Малой, раз уж начала, – сказал Артемис, пожалев, что число слов во фразе получилось не кратным пяти.

Элфи немедленно вскочила на ящик и разнесла его вдребезги.

– Вау! – воскликнул Жеребкинс. – Экое зверство, даже для тебя.

Капитан прыгнула на землю, почти не примяв снег.

– Нет. Это скорее наука. Cos tara – «быстрая нога». Древнее боевое искусство, основанное на движениях хищных животных.

– Смотрите! – закричал Жеребкинс, настойчиво тыча пальцем в бескрайний серо-стальной полумрак. – Кому-то не все равно!

Артемис обрадовался этому шутливому воплю как поводу отвлечься от слабеющей связи с логическим миром. Пока подземные жители, по своему обыкновению, препирались, он позволил себе немного ссутулиться и опустить плечи, но кто-то заметил.

– Артемис?

Элфи, конечно.

– Да, капитан Малой, слушаю вас.

– Капитан? Разве мы не знакомы?

Артемис откашлялся в ладонь. Она прощупывает его. Нужно как-то избавиться от ее пристального внимания. Остается только произнести число вслух.

– Не знакомы? Конечно знакомы. Знаем друг друга больше *пяти* лет.

Элфи шагнула к нему, он увидел ее полные тревоги огромные глаза за оранжевым стеклом забрала.

– Все дело в числе «пять». Это меня беспокоит, Арти. Ты сам на себя не похож.

Артемис прошел мимо нее к контейнеру, установленному на дне ящика.

– А на кого я похож? – резким тоном спросил он, пресекая любые возможные обсуждения его психического здоровья.

Досадливо отмахнувшись от ледяной дымки, словно та нарочно мешала ему, он навел свой мобильный телефон на контейнер, чтобы привести в действие компьютеризированные замки. По виду и издаваемому звуку контейнер напоминал обычный бытовой холодильник – приземистый, жемчужно-белый и гудящий.

– Именно этого и не хватает в Исландии, – пробормотал Жеребкинс. – Машин по производству льда.

– Да, но эта машина особая, – сказал Артемис, открывая дверь «холодильника». – Она может спасти все ледники.

– А она делает эскимо на палочке? – с невинным видом поинтересовался кентавр, жалея, что рядом нет старого друга Мульча Рытвинга, чтобы «дать пять», хотя такой ребяческий и архаичный ритуал непременно свел бы Артемиса с ума, если тот уже не сошел.

– Ты обещал демонстрацию! – рывкнула на него Винияйа. – Так демонстрируй.

Артемис бросил на Жеребкинса взгляд, которым можно было бы отравить небольшое водохранилище или выжечь пару гектаров леса.

– С огромным удовольствием, командующий. Любуйтесь.

Внутри контейнера находилось приземистое хромированное устройство, одновременно напоминавшее стиральную машину с верхней загрузкой и короткоствольную пушку, помимо мешанины проводов и чипов уложенной под барабаном.

– Согласен, «Ледяной куб» не красавец, – сказал Артемис, включая оборудование инфракрасным сигналом с датчика телефона. – Но мне показалось, что необходимость как можно скорее запустить его в производство слишком важна, чтобы еще месяц корпеть над дизайном.

Они встали неровным кругом рядом с машиной, и Артемис не удержался от мысли о том, что если бы за группой наблюдали со спутника, они напоминали бы играющих детей.

Винияйа побледнела и стучала зубами, хотя температура опустилась чуть ниже нуля. Прохладно с человеческой точки зрения, но для подземного жителя совсем не комфортно.

– Давай, человек. Включай свой «Ледяной куб». Пора запускать гнома по оползню.

Раньше Артемис этого выражения не слышал, но о смысле догадывался. Он бросил взгляд на свой телефон.

– Командующий, я немедленно запущу производство первой партии нанопластин, как только неопознанный летающий объект покинет воздушное пространство непосредственно над нами.

Элфи посмотрела на показания коммуникатора забрала шлема.

– В воздушном пространстве ничего нет, вершок. Ничего, кроме экранированного шаттла, способного доставить тебе полную тарелку неприятностей, если ты вздумаешь мухлевать.

Артемис не сдержал стога.

– Не время упражняться в остроумии. Уверяю тебя, капитан, в плотные слои атмосферы входит какой-то корабль. Мои датчики показывают его вполне отчетливо.

Элфи выпятила нижнюю челюсть.

– А мои ничего не показывают.

– Странно, я использую ваши датчики, – парировал Артемис.

Жеребкинс топнул копытом так сильно, что расколол лед.

– Я так и знал. Для тебя нет ничего святого.

Артемис расправил плечи.

– Давайте перестанем притворяться, будто не шпионим друг за другом половину времени. Я читаю ваши файлы, вы читаете файлы, в которые я позволил вам залезть. Имеется летательный аппарат, судя по всему, он направляется прямо к нам, и, возможно, ваши сенсоры обнаружат его, если вы включите те же фильтры, что и я.

Элфи кое-что вспомнила.

– А помните корабль Опал Кобой? Полностью построенный из руды-невидимки? Наши доморощенные умники не сумели обнаружить его, а Артемис смог.

Артемис иронически вскинул брови.

«Вот видите, даже простой полицейский способен на такие элементарные выводы», – отчетливо читалось на его лице.

– Я просто искал то, чего не было, хотя должно было быть, – пояснил он. – Окружающие газы, остаточные загрязнения и все такое прочее. Чтобы найти Опал, достаточно было найти пустоту. С тех пор я применяю данную технологию для общего сканирования. Удивлен, что ты до сих пор не научился этому фокусу, консультант Жеребкинс.

– На синхронизацию с шаттлом и проверку окружающего пространства уйдет около двух секунд.

Винияа нахмурилась, и ее беспокойство, казалось, распространилось по холодному воздуху, подобно тепловой волне.

– Так займись этим, кентавр.

Жеребкинс включил сенсоры в перчатках и вставил в глаз желтый монокль. Подключившись подобным образом, он проделал сложную последовательность подмигиваний, гримас и жестов, устанавливая связь с невидимой для всех, кроме него, видеосистемой. Стороннему наблюдателю могло показаться, будто кентавр вдохнул молотого перца, одновременно дирижируя воображаемым оркестром. Зрелище выходило еще то, поэтому проводное подключение пользовалось большей популярностью.

На двадцать секунд позже обещанного Жеребкинс вдруг прекратил свои ужимки и уперся ладонями в колени.

– Ладно, – задыхаясь, произнес он. – Во-первых, никто не смеет называть меня четвероногим ламером. Во-вторых, возможно, какой-то крупный неопознанный космический корабль и летит в нашем направлении с высокой скоростью.

Элфи мгновенно выхватила оружие, словно могла сбить космический корабль, который уже падал на них.

Артемис бросился к «Ледяному кубу», по-матерински раскинув руки, но вдруг буквально замер как вкопанный, подозрение жаром объяло сердце.

– Жеребкинс, признавайся: это твой корабль?

– Это не мой корабль, – возразил Жеребкинс. – У меня нет никакого корабля. Я сейчас занимаюсь проектированием квадроцикла.

Артемис боролся с паранойей, пока руки не затряслись, но никакого иного объяснения появлению странного корабля в данный конкретный момент не находилось.

– Вы задумали украсть мое изобретение. Как в Лондоне, когда вы пытались сорвать сделку с Оком.

Элфи не отрывала глаз от неба, но все же ответила:

– Я спасла Дворецки в Лондоне.

Артемиса колотило уже всего.

– Спасла? Или обратила против меня?

Его тошнило от собственных слов, но они лезли сами, будто скарабеи изо рта мумии.

– Тогда-то вы с ним и заключили союз против меня? Сколько ты ему посулила?

На долгий пронизывающий миг Элфи лишилась дара речи.

– Посулила? Дворецки никогда не предал бы тебя. Никогда! Как ты мог подумать такое, Артемис?

Артемис уставился на свои пальцы, словно отчасти надеялся, что они самовольно зажмут ему рот.

– Я знаю, за этим стоишь ты, Элфи Малой. Ты так и не простила мне похищения.

– Артемис, ты нуждаешься в помощи, – сказала Элфи, устав ходить вокруг да около. – По-моему, ты болен. И скорее всего, это синдром Атлантиды.

Артемис попятился и наткнулся на круп Жеребкинса.

– Я знаю, – медленно, почти по слогам произнес он, наблюдая за облачками пара, вылетающими у него изо рта. – В последнее время все так путается. Вижу всякое, буквально всех подозреваю. Пятерка. Везде пятерка.

– Артемис, неужели ты считаешь, что мы способны причинить тебе вред? – сказал Жеребкинс, приглаживая взъерошенную Артемисом шерсть.

– Не знаю. Способны? Почему бы и нет? Я должен выполнить самую важную работу на земле, куда более важную, чем ваша.

Элфи уже вызывала кавалерию.

– Эн-ка в атме, – произнесла она в коммуникатор на армейском упрощенном языке, куда более сложном для нетренированного уха, чем обычная речь. – Вниз до семь-я для эвак. Вис.

Волшебный шаттл с легким шипением проступил из небытия в семи метрах у них над головой. Он проявлялся пластина за пластиной, от носа до кормы, находившиеся внутри солдаты тоже стали видимыми на мгновение, прежде чем корпус полностью перешел в плотное состояние. От его вида сознание Артемиса, казалось, помрачилось еще сильнее.

– А, вот что вы задумали? Запугать меня, чтобы я сам поднялся на борт, а потом украсть «Ледяной куб»?

– Не понимаю, почему обязательно куб, – небрежно заметил Жеребкинс. – Чем тебя шар не устраивает?

– И ты, кентавр! – воскликнул Артемис, погрозив Жеребкинсу пальцем. – Всегда роешься в моем компьютере. И в голове тоже?

Винияйа забыла о холоде. Она сбросила с себя толстое пальто, чтобы оно не сковывало движений.

– Капитан Малой. Этот двинутый вершок – твой знакомый. Держи его на коротком поводке, пока мы не уберемся отсюда.

Как оказалось, это была не самая удачная формулировка.

– Держать на поводке? Именно этим ты занималась все время, капитан?

Артемис дрожал так сильно, словно по его телу пропускали электрический ток.

– Артемис, – настойчиво произнесла Элфи, – может, поспишь немного? Просто положи голову на что-нибудь теплое и постарайся уснуть.

Ее предложение зацепилось за какой-то уголок Артемисова мозга.

– Да. Спать. Ты поможешь мне?

Элфи медленно шагнула к нему.

– Конечно помогу. Всего-то капельку гипнотических чар. Проснешься совсем другим человеком.

Глаза Артемиса будто превратились в желе.

– Другим. А как же ПРОЕКТ?!

«Теперь плавно, – подумала Элфи. – Мягкое погружение».

– Займемся им, когда ты проснешься. – Она подпустила тончайшие нотки магии в верхние регистры голоса. Для Артемиса они звучали перезвоном хрустальных колокольчиков на каждой согласной.

– Спать... – отозвался Артемис тихо, словно громкость могла разрушить слово. – Уснуть, и видеть сны, быть может...³

– Теперь пьесы цитируем? – фыркнул Жеребкин. – А у нас есть на это время?

Элфи свирепым взглядом заставила его умолкнуть и приблизилась к Артемису еще на шаг.

– Всего несколько часов. Мы можем увезти тебя прочь отсюда, прочь от того, что надвигается.

– Прочь... – эхом отозвался страдающий юноша.

– А потом поговорим о проекте.

Пилот шаттла немного ошибся при посадке, и задний стабилизатор пропахал в снегу неглубокую борозду. Резкого треска ломающихся тонюсеньких ледяных пластинок оказалось достаточно: взгляд Артемиса снова стал осмысленным.

– Нет! – пронзительно вскрикнул ирландец. – Никакой магии! Раз-два-три-четыре-пять! Никому не двигаться!

В драме решил принять участие еще один корабль. Он внезапно возник на фоне далекого неба, будто вывалился из другого измерения, огромный и обтекаемый, похожий на витую трубочку от мороженого, с ускорителями на гибком креплении возле кормы. Одна ступень отделилась и, кувыркаясь, скрылась в плотных серых облаках. Странно, но огромное сооружение производило крайне мало шума.

Артемиса поразило его вид.

«Инопланетяне? – сначала подумал он. – Стоп, это не инопланетяне. Я уже такое видел. По крайней мере, на чертеже».

Жеребкинса посетила та же мысль:

– А знаете, его вид мне не знаком...

Целые секции гигантского судна мерцали, то появляясь, то пропадая из глаз по мере остывания после крутого входа в атмосферу – вернее, как оказалось, после возвращения.

– Это из вашей космической программы? – В тоне Артемиса звучало осуждение.

– Возможно, – согласился Жеребкин, и его щеки, ближе к ушам, виновато порозовели – еще одна причина его неудач в покере. – Трудно сказать, он так мелькает, и вообще...

³ Шекспир У. Гамлет. Перевод М. Лозинского. (Прим. ред.)

Полицейский шаттл наконец сел, и на его левой стороне открылся люк.

– Все на борт, – скомандовала Винияйа. – Нужно убраться подальше от этого корабля.

Жеребкинс опередил всех на три или четыре шага.

– Нет-нет. Это один из наших. Ему не полагается здесь находиться, но мы можем им управлять.

Элфи фыркнула.

– Конечно. До сих пор тебе это прекрасно удавалось.

Этой насмешки кентавр уже не вынес. Он вышел из себя, величаво встал на дыбы и опустился, проломив передними копытами тонкий слой льда.

– Довольно! – взревел он. – На нас летит зонд для исследования дальнего космоса. Даже если его ядерные генераторы не взорвутся, ударная волна от падения разрушит все в радиусе пятнадцати миль, поэтому, коль скоро этот шаттл не способен переместиться в другое измерение, пользы от него, как от тебя – на научной конференции.

Элфи пожала плечами.

– Согласна. Твои предложения?

– Предлагаю тебе заткнуться и позволить мне решить эту проблему.

При слове «зонд» в памяти обычно всплывает изображение маленького скромного аппарата с несколькими ящиками для образцов в трюме и, возможно, панелью суперэффективных солнечных батарей на корпусе. Этот корабль являлся полной противоположностью такого зонда. Огромный и грозный, он надвигался, сотрясая воздух, вспарывая облака неровными прыжками, а ускорители тащились за ним, словно прикованные цепями рабы.

– На стадии проектирования, – пробормотал Жеребкинс, мигнув, чтобы привести в действие монокуляр, – эта штука имела куда более дружелюбный вид.

Солдаты получили приказ оставаться на своих местах, и вся компания могла только наблюдать, как на нее валится гигантский корабль. Звукопоглощающее покрытие постепенно разрушалось, атмосферное трение, словно когтистыми пальцами, срывало с корпуса громадные восьмигранные плиты обшивки, и рев нарастал с каждой секундой. А Жеребкинсу все не удавалось переключить управление на себя.

– Я пытаюсь через антенну шаттла подключиться к компьютеру зонда, определить неисправность, а затем перепрограммировать машинку на тихое-мирное зависание на высоте тридцати метров. И защитный экран усилить не помешало бы.

– Меньше объяснений, больше дела, – процедила Винияйа.

Но, как всегда, Жеребкинс продолжил не только работать, но и болтать.

– Бросьте, командующий, уж я-то знаю, как вы, военные, просто расцветаете в подобных напряженных ситуациях.

На протяжении этого разговора Артемис стоял неподвижно, как статуя, понимая, что стоит позволить дрожи охватить тело, она уже никогда не отпустит и ему конец.

«Что случилось? – недоумевал он. – Я перестал быть Артемисом Фаулом?»

Потом он кое-что заметил.

«У этого корабля четыре двигателя. Четыре».

«Смерть».

И словно в подтверждение этой мысли или в результате ее на самом носу падающего корабля возник оранжевый разряд энергии, он сердито бурлил и весьма походил на вестника смерти.

– Оранжевая энергия. – Элфи указала пистолетом на нос корабля. – Ты у нас все любишь объяснить, Жеребкинс, так объясни.

– Уймись, недоразвитая, – отозвался Жеребкинс, чьи пальцы порхали по клавишам с такой скоростью, что сделались почти неразличимы. – Там нет оружия. Умоляю, это же научный зонд. Плазменный разряд предназначен для резки льда, не более того.

Артеми́с не мог больше сдерживать дрожь, и она овладела всем его тщедушным телом.
– Четыре двигателя, – сказал он, стуча зубами. – Ч-ч-четыре – это смерть.

Вини́айа остановилась, не дойдя до трапа шаттла. Она повернулась, из-под шлема выбилась прядь волос цвета стали.

– Смерть? О чем он говорит?

Не успела Элфи ответить, как оранжевая плазма весело забулькала и вырвавшийся из нее луч ударил прямо в двигатель шаттла.

– Нет-нет-нет, – произнес Жеребки́нс, словно обращаясь к непослушному ученику. – Так делать нельзя.

Они с ужасом смотрели, как на месте шаттла разрастается огненный шар. От жара металлическая оболочка судна на миг обрела прозрачность, и стало видно, как корчатся внутри десантники.

Элфи, пригнувшись, бросилась к Вини́айа, пытавшейся пробиться сквозь пламя к своим подчиненным.

– Командующий!

Капитан Малой действовала быстро, даже успела схватить Вини́айа за перчатку за мгновение до того, как взорвался один из двигателей шаттла и ударная волна, завертев Элфи в воздухе, отбросила ее на крышу ресторана «Большой поморник». Она рухнула на шифер плашмя, словно пришпиленная булавкой бабочка, и тупо уставилась на перчатку в своей руке. Встроенная в забрало программа распознавания зафиксировалась на лице командующего Вини́айа и ненавязчиво замигала предупреждающей иконкой.

На экране появился текст: Смертельное поражение центральной нервной системы. Элфи знала, что в наушниках ее сейчас раздается то же сообщение, но ничего не слышала. Изолировать зону и вызвать аварийные службы.

Смертельное поражение? Только не это! На долю секунды Элфи словно отбросило в прошлое, в день смерти ее прежнего командира, Джулиуса Крута.

Действительность вернулась волной огненного жара, от которого стал таять и тут же испаряться лед и активировались тепловые датчики ее костюма.

Элфи воткнула пальцы в лежавший на крыше мокрый снег и подтянулась выше. Все происходящее напоминало немое кино, поскольку шумовые фильтры шлема надулись и лопнули в течение наносекунды между вспышкой и хлопком.

Все, кто был в шаттле, пропали... уж это ясно.

«Не говори „пропали“, они погибли... умерли».

– Сосредоточься! – крикнула она, подчеркивая каждый слог ударом кулака по крыше. Время для скорби настанет потом; кризис еще не миновал.

«Кто не погиб?»

Она сама не погибла. Жива, хотя и ранена, и подошвы башмаков дымятся.

«Вини́айа. О боги... Нет, не надо о ней сейчас».

Из сугроба под карнизом торчали дрыгающиеся ноги Жеребки́нса – получался этакий галоп вверх тормашками.

«Это что, смешно? Сейчас – смешно?»

А где Артеми́с? Внезапно пульс загрохотал в ушах, взревел океанским прибоем.

«Артеми́с».

Встать на четвереньки оказалось не так уж просто: только колени нащупывали опору, локти разъезжались в стороны, и все приходилось начинать сначала.

«Артеми́с. Где ты?»

И вдруг краем глаза она заметила его. Артеми́с шел по льду – судя по всему, он почти не пострадал, хотя немного приволакивал левую ногу. Он медленно, но решительно уходил

от горящего шаттла. Прочь от скрежета и жара сжимающегося металла, от похожих на ртуть капель руды-невидимки, достигшей наконец температуры плавления.

«Куда ты?»

Он не убегал, это точно. Скорее наоборот, Артемис направлялся прямо навстречу все еще падавшему с неба космическому зонду.

Элфи попыталась криком предупредить его. Она открыла рот, но оттуда вырвался только приправленный дымом кашель. Вкус дыма и боя.

– Артемис! – сумела прохрипеть она после нескольких неудачных попыток.

Ирландец поднял на нее взгляд.

– Я знаю! – крикнул он. Голос его резал, как зазубренный нож. – Кажется, будто небо падает, но это не так. Это все ненастоящее. Корабль, солдаты... их здесь нет. Теперь я догадался. У меня были... у меня были галлюцинации, понимаешь?

– Артемис, беги! – крикнула Элфи не своим голосом, губы и язык казались чужими и отказывались повиноваться. – Этот корабль настоящий! Он тебя раздавит!

– Не раздавит, вот увидишь. – Артемис даже ласково улыбался. – Бредовое нарушение психики. Корабль – просто галлюцинация. Мой мозг воссоздал это видение из воспоминаний, из подсмотренных тайком чертежей Жеребкинса. Я должен сам справиться со своим помешательством. Как только мне удастся доказать, что все происходит исключительно у меня в голове, все сразу наладится.

Элфи поползла по крыше, чувствуя внутри гудение исцеляющей магии. Силы возвращались, но слишком медленно, а ноги казались свинцовыми трубами.

– Послушай меня, Артемис. Поверь мне!

– Нет, – отрезал юноша. – Я никому не верю. Ни Дворецки, ни даже матери. – Он втянул голову в плечи. – Я не знаю, во что верить, кому доверять. Но знаю, что не может быть вынужденной посадки космического зонда именно здесь и именно в этот момент. Астрономически низкая вероятность. Мой мозг решил поиграть со мной, и я должен показать, кто хозяин.

Элфи запомнила только половину его речи, но услышала достаточно, чтобы понять: Артемис говорит о собственном разуме в третьем лице – тревожный признак, с точки зрения любого психиатра, какой бы теории он ни придерживался.

А космический корабль, которому было глубоко безразлично, верит в него Артемис или нет, продолжал снижаться, распространяя перед собой ударные волны. Для видения он казался слишком уж настоящим, каждая панель пестрела бесчисленными узорами, возникшими в результате долгого космического полета. Носовой конус исчерчен зазубренными бороздами, похожими на шрамы от ударов молний, фюзеляж изрыт вмятинами, как от картечи. Один из трех стабилизаторов выглядел так, словно его попробовал на зуб космический монстр, выхватив рваный полукруг из пролетавшего мимо корабля, странного цвета лишайник штрихами покрывал квадратный участок на месте утраченной плиты обшивки.

Даже Артемис не мог не заметить всего этого.

– Согласен, он не выглядит слишком уж эфирным. Очевидно, у меня более живое воображение, чем я полагал.

Один за другим с корабля сорвало два глушителя, и рев двигателей заполнил чашу серого неба.

Артемис ткнул в корабль пальцем.

– Ты не настоящий! – закричал он, хотя сам себя не слышал.

Корабль опустился уже достаточно низко, и Артемис смог прочитать надпись, нанесенную разными шрифтами и пиктограммами на носовой конус.

– «Я пришел с миром», – пробормотал он и подумал: «Четыре слова. Смерть».

Элфи тоже пыталась думать, картины трагедии и разрушения мелькали перед глазами, будто огни проносящегося мимо поезда, но одна мысль упорно пробивалась сквозь хаос: «Мне

не дотянуться до него с крыши. Артемис погибнет, а я могу только наблюдать...» И вдогонку этой мысли неся истерический вопль: «Дворецки меня убьет!»

Глава 2

Нефритовая Принцесса и Бешеный Медведь

Канкун, Мексика. Днем раньше

Мужчина, сидевший за рулем взятого напрокат «Фиата-500», громко выругался, нажав широкой ступней на лилипутские педали газа и тормоза одновременно, и крошечный автомобиль уже в который раз заглох.

«Этой крохой проще будет управлять, сидя на заднем сиденье. Так, по крайней мере, не придется упираться коленями в подбородок», – подумал водитель. С этой мыслью он резко свернул на обочину рядом с живописной лагуной Канкуна. В отраженном свете миллионов мерцающих балконных фонарей роскошных апартаментов он совершил над «фиатом» акт вандализма, который определенно обойдется ему в стоимость залога и, возможно, переместит его фамилию на первое место в черном списке компании «Герц».

– Так-то лучше, – проворчал мужчина, выбрасывая водительское сиденье на обочину.

«Эти типы в „Герц“ сами виноваты, – подумал он, аргументируя свои действия. – Вот что происходит, когда норовишь всучить игрушечную машинку человеку моих габаритов. С тем же успехом можно попытаться зарядить дерринджер патронами пятидесятого калибра».

Он втиснулся в автомобиль и, руля с заднего сиденья, влился в поток машин, который, несмотря на близость полуночи, по плотности напоминал железнодорожный состав.

«Я спешу к тебе, Джульетта, – подумал он, сдавив руль так, словно тот угрожал жизни его младшей сестры. – Я уже близко».

Водителем беспечно модифицированного «фиата» был, конечно, Дворецки – телохранитель Артемиса Фаула, хотя не всегда его знали под этим именем. В бытность солдатом удачи Дворецки использовал много *pot de guerre*⁴, чтобы защитить семью от неприятностей. Банда сомалийских пиратов знала его как Джентльмена Джорджа, одно время он служил в Саудовской Аравии под именем капитана Стила⁵ (потом Артемис обвинил его в склонности к вульгарной мелодраме), а те два года, когда он жил среди перуанского племени исконахуа, индейцы знали таинственного великана, защищавшего их деревню от посягательств лесозаготовительной компании, как *El Fantasma de la Selva*, Призрака Джунглей. Конечно, когда он стал телохранителем Артемиса Фаула, времени на подработку не осталось.

Дворецки отправился в Мексику по настоянию Артемиса, хотя никакого настояния уже не требовалось, стоило Дворецки прочесть сообщение на экране смартфона своего хозяина. Телефонный сигнал застал их посреди тренировки по смешанной технике боевых искусств. Полифоническая версия «Miserere» Энио Морриконе свидетельствовала о получении сообщения.

– Никаких телефонов в додзё, Артемис, – проворчал Дворецки. – Ты знаешь правила.

Артемис нанес еще один удар по щитку, прямой левый. Удар не отличался силой и еще меньше отличался точностью, но хотя бы пришелся по щитку, что уже было достижением. До недавнего времени Артемис делал настолько неточные выпады, что в случае настоящего боя прохожий подвергался большей опасности, чем противник.

– Я знаю все правила, Дворецки, – сказал Артемис, едва отдышавшись. – Телефон совершенно точно был выключен. Я сам проверял пять раз.

⁴ Псевдоним (*фр.*).

⁵ Капитан Стил – участник боевой операции в Сомали и герой фильма Ридли Скотта «Падение „Черного ястреба“».

Дворецки снял щиток, который теоретически оберегал руку надевшего его от ударов, а на самом деле защищал костяшки пальцев Артемиса от огромной и жесткой, как лопата, ладони Дворецки.

– Телефон вырублен, однако же звонит.

Артемис стянул перчатку, зажав ее между коленей.

– Он настроен на чрезвычайное подключение. Я поступлю безответственно, если не проверю, почему же он звонит.

– Странно ты говоришь, – заметил Дворецки. – Ходульно как-то... Будто слова подсчитываешь...

– Какая нелепая мысль... честно говоря, – покраснел Артемис. – Просто тщательно подбираю все слова.

Он поспешил к телефону, разработанному им лично под специальную операционную платформу на основе сплава человеческих и волшебных технологий.

– Это сообщение получено от Джульетты, – сказал он, взглянув на семисантиметровый сенсорный экран.

Раздражение Дворецки моментально испарилось.

– Джульетта передала срочное сообщение? Что там говорится?

Артемис молча протянул ему телефон, который, казалось, съезжился, утонув в огромной ладони телохранителя.

Сообщение было коротким и срочным. Всего пять слов.

«Домовой, я в беде. Приезжай».

Пальцы Дворецки стиснули телефон так, что тот затрещал. Имена телохранителей, удостоенных «Синего бриллианта», содержались в строжайшей тайне, и само использование его имени Джульеттой уже говорило о том, что ей грозит весьма серьезная опасность.

– Естественно, я поеду с тобой, – быстро произнес Артемис. – Мой телефон, как ты знаешь, способен отследить вызов с точностью до одного квадратного сантиметра; не пройдет и дня, как мы доберемся до любой точки мира.

Лицо Дворецки ничем не выдавало отчаянную внутреннюю борьбу между старшим братом и беспристрастным профессионалом. Наконец верх взял профессионал.

– Нет, Артемис, я не могу подвергать тебя опасности.

– Но...

– Нет, я поеду один, а ты вернешься в школу. Если Джульетта попала в беду, мне придется действовать быстро, а забота о тебе лишь удвоит мою ответственность. Джульетта знает, как я отношусь к своей работе. Она не стала бы просить меня приехать, если бы опасность не была по-настоящему серьезной.

Артемис откашлялся.

– Возможно, опасность все же преувеличена. Думаю, Джульетта скорее попала в затруднительное положение, чем в беду. Тем не менее ты должен отправиться к ней, как только...

Он взял телефон из руки Дворецки и постучал по экрану.

– Канкун, Мексика – твой пункт назначения.

Дворецки кивнул. Это звучало логично. На данном этапе Джульетта гастролировала с мексиканской труппой, зарабатывая репутацию в роли Нефритовой Принцессы, и мечтала поскорее услышать волшебный звонок из группы Всемирной федерации реслинга.

– Канкун, – повторил он. – Не доводилось. Там не нужны люди моей профессии. Слишком спокойно и безопасно.

– Самолет, естественно, в твоём полном распоряжении, – сказал Артемис и нахмурился, недовольный получившейся фразой. – Надеюсь, вся эта история окажется не стоящей... и выведенного яйца.

Дворецки бросил на молодого хозяина внимательный взгляд. С юношей творилось что-то неладное, в этом не оставалось сомнений, однако в эту минуту та часть мозга телохранителя, что отвечала за заботу о других, была полностью занята Джульеттой.

– Не будет никаких выеденных яиц, – сказал он тихо и добавил чуть резче: – Не знаю, кто виной тому, что пришло это сообщение, но он об этом пожалеет. – И чтобы закрепить последнее высказывание, он позволил себе на мгновение превратиться в старшего брата и так врезал по тренировочному манекену, что деревянная голова у того отвалилась и завертелась на мате волчком.

Артемис поднял голову манекена и постучал по ее макушке с полдюжины раз.

– Думаю, они уже начали жалеть, – произнес он голосом, похожим на шорох сухих листьев.

И вот Дворецки мучительно медленно, из-за полупночного обилия машин, продвигался по Канкуну, упираясь головой и плечами в крышу «фиата». Он не позаботился заказать машину и поэтому был вынужден удовольствоваться тем, что нашлось в запасе у дамы из компании «Герц». «Фиат-500». Самое то для направляющегося на курорт одинокого тинейджера, но не больно-то подходящий транспорт для стокилограммового гиганта.

«Безоружного стокилограммового гиганта», – поправил себя Дворецки. Обычно ему удавалось захватить с собой оружие на вечеринку, которую он собирался сорвать, но в данном случае общественный транспорт оказался быстрее личного самолета Фаула, поэтому Дворецки пришлось оставить дома весь арсенал, включая любимый «ЗИГ-Зауэр», отчего он едва не прослезился. В Атланте ему предстояла пересадка, а дежурящие на досмотре десантники вряд ли отнеслись бы благосклонно к человеку, пытающемуся тайком ввезти на территорию США оружие. Особенно если этот человек, судя по его виду, способен в одиночку прорвать оборону Белого дома всего с несколькими лентами боеприпасов.

Оставив Артемиса дома, Дворецки почувствовал себя до некоторой степени неприкаянным. Более пятнадцати лет этот мальчик и дела, с ним связанные, занимали почти все его время. Оказавшись практически в одиночестве в бизнес-классе трансатлантического лайнера с перспективой нескольких часов вынужденного безделья, Дворецки, чтобы как-то отвлечься от тревожных мыслей о сестре, стал думать об Артемисе.

В последнее время его подопечный сильно изменился. После возвращения из прошлогодней экспедиции в Марокко по спасению исчезающего вида животных с ним что-то творилось. Артемис стал менее открытым, чем раньше, а раньше он мог соперничать по части открытости с сейфом швейцарского банка ночью. Кроме того, Дворецки заметил, что Артемис слишком большое внимание уделяет расположению предметов. Телохранитель сам всегда был начеку, поскольку привык видеть в любом находящемся в здании предмете потенциальное оружие или источник осколков. Но очень часто Артемис входил в уже проверенную телохранителем комнату и принимался возвращать предметы на их прежние места. И речь его сделалась какой-то не такой. Прежде Артемис изъяснялся едва ли не поэтическими фразами, но в последнее время все больше внимания уделял не тому, что говорит, а количеству затраченных на это слов.

Когда «боинг» начал заходить на посадку в Атланте, Дворецки решил по возвращении в особняк Фаулов немедленно отправиться к Артемису-старшему и выложить ему все начистоту. Конечно, обязанности телохранителя состоят в том, чтобы защищать Артемиса, но их трудно выполнять, когда опасность таится в самом мальчике.

«Я защищал Артемиса от троллей, гоблинов, демонов, гномьих кишечных газов и даже от людей, но не могу гарантировать, что моя подготовка позволит защитить его от его собственного разума. А значит, я как можно скорее должен найти Джульетту и доставить ее домой».

Вскоре Дворецки надоело ползти по главной улице Канкуна, и он решил, что проще будет добраться до нужного места пешком. Он резко свернул на стоянку такси, выскочил из машины и, не обращая внимания на гневные крики водителей, легкой трусцой пустился вдоль рядов пятизвездочных отелей.

Найти Джульетту не составит большого труда – ее лицо красовалось на дюжинах афиш в центре города.

ЛУЧАСЛЭМ!⁶
ВСЕГО ОДНА НЕДЕЛЯ
В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ!

Дворецки не интересовало изображение сестры на афишах. Художник исказил ее милое лицо, придав ей более агрессивный вид, а стойка выглядела нарочито показной. Идеально подходящая для афиши, на деле она никуда не годилась, поскольку открывала левую сторону для бокового удара по почкам.

«Джульетта никогда бы не встала так перед противником».

Его сестра была лучшим прирожденным бойцом из всех, кого он знал. Кроме того, гордость никогда не позволила бы ей попросить о помощи, когда еще оставалась хоть какая-то надежда справиться самой. Вот почему то сообщение так встревожило Дворецки.

Даже не вспотев, он пробежал две мили, лавируя в толпе гуляк, и наконец оказался возле украшенного стеклом и лепниной фасада Большого театра. У автоматических дверей стояло с полдюжины швейцаров в красных ливреях, которые кивали и улыбались спешащей на главное представление публике.

«Через заднюю дверь, – решил телохранитель. – И так всю жизнь».

Дворецки обошел здание, размышляя, как было бы приятно хоть однажды войти куда-нибудь с парадного входа. Возможно, в другой жизни, когда он станет слишком стар для занятия привычным ремеслом...

«Интересно, а сколько мне тогда будет лет? – подумал он. – Если задуматься, со всеми этими путешествиями во времени и волшебными исцелениями я и сам не уверен, сколько мне сейчас».

Подойдя к черному ходу, Дворецки выбросил из головы все мысли, кроме тех, что относились к предстоящему делу. Найти Джульетту, определить, в какую беду она попала, и решить проблему с минимальным побочным ущербом. До начала представления оставалось десять минут, поэтому, если немного повезет, он успеет найти сестру, прежде чем в зал набьется слишком много народу.

Охрану задних дверей обеспечивала только камера наблюдения. К счастью, это был всего лишь театр, а не конференц-зал курортного отеля, иначе у черного входа оказались бы бассейны, толпы туристов, играющий сальсу оркестр и штук шесть полицейских в штатском. А так Дворецки просто помахал камере, надежно прикрыв тем самым лицо, и проник в здание незамеченным.

За кулисами он не встретил ни малейшего сопротивления. Прошел мимо пары силачей в театральных костюмах, мирно потягивавших какое-то электролитическое пойло, но не удостоился с их стороны и взгляда, – вероятно, они приняли его за одного из своих. Выглядел он большим и тупым, настоящим громилой.

Как и в большинстве театров, пространство за сценой пронизывали мили коридоров и узких проходов, не отмеченных на чертежах, которые Дворецки успел загрузить в свой смарт-

⁶ Луча Либре (*исп.* Lucha Libre, свободный бой) – мексиканский реслинг. Рестлеров из Мексики называют лучадорами, а слэм (*англ.* slam, шлепок) – прием в реслинге, при котором противника с шумом бросают на ринг. (*Прим. ред.*)

фон из интерпедии Артемиса, где имелся сайт с любимыми, когда-либо выложенными в Сеть чертежами, не считая украденных и опубликованных Артемисом лично. Спустя несколько неверных поворотов даже знаменитое умение Дворецки ориентироваться начало подводить хозяина, и у дюжего телохранителя возникло почти непреодолимое желание просто проломить несколько стен, проложив кратчайший путь туда, куда ему не терпелось попасть, а именно в примерную артистов.

Когда Дворецки наконец добрался до гримерной, он успел заметить процессию выходивших на сцену рестлеров в костюмах из лайкры и шелка, похожую на хвост китайского дракона. Когда последний артист покинул помещение, барьер из мяса и мускулов в виде двух гигантских вышибал закрыл выход за кулисы.

«С ними я справлюсь, – подумал Дворецки. – Это несложно, но тогда у меня останется всего несколько секунд на то, чтобы найти Джульетту и вытащить ее отсюда, а сестра, насколько я ее знаю, затеет сложный и абсолютно бессмысленный разговор, прежде чем согласится уйти. Надо мыслить как Артемис, прежний Артемис, и спокойно разыграть партию. Малейший промах, и, скорее всего, нам обоим конец».

Снаружи донеслись восторженные вопли толпы, приветствовавшей появление борцов. Двойные двери приглушали шум, но в гримерной его было слышно лучше. Дворецки заглянул внутрь и увидел висевший на стене монитор, где отображалось все происходившее на ринге. Весьма удобно.

Гигант подошел к экрану и попытался отыскать сестру. Ага, вот и она, разминается в углу ринга, больше работая на публику, нежели для реальной подготовки. Если бы Дворецки видел в этот момент свое обычно бесстрастное лицо, то сильно удивился бы игравшей на губах нежной, почти мечтательной улыбке.

«Как же давно я не видел тебя, сестренка...»

Судя по всему, непосредственная опасность Джульетте не угрожала. Она наслаждалась вниманием зрителей, поднимала руки, добиваясь еще более громких аплодисментов, мотала головой, заставляя нефритовое кольцо на кончике косы выписывать в воздухе восьмерки. Публике она явно нравилась. Некоторые молодые мужчины размахивали над головой плакатами с ее изображением, а самые наглые даже пытались осыпать конфетти в виде сердечек. Дворецки нахмурился. Придется проследить за этими юными джентльменами отдельно.

Он позволил себе немного расслабиться, хотя со стороны это смогли бы заметить не больше пяти человек во всем мире. Дворецки по-прежнему находился в состоянии полной боевой готовности, но мог позволить признать себе в том, что всю дорогу отчаянно боялся опоздать.

«Джульетта жива. И здорова. Вместе мы решим проблему, в чем бы она ни заключалась».

Затем он пришел к выводу, что находится в самом удобном наблюдательном пункте и лучше всего там и оставаться. Он отлично видел весь ринг и мог, если понадобится, оказаться рядом с сестрой буквально в считанные секунды.

Старомодный гонг возвестил о начале первого поединка. Джульетта высоко подпрыгнула и по-кошачьи ловко приземлилась на верхний канат.

– Прин-цес-са! Прин-цес-са! – принялись скандировать зрители.

«Любимица публики, – подумал Дворецки. – А как иначе?»

Соперница Джульетты явно играла роль главной злодейки в этом спектакле. Здоровенная баба с обесцвеченными волосами под ежик и в кроваво-красном костюме из лайкры.

Толпа неодобрительно засвистела.

Как и у всех борцов-лучадоров, лицо и нос гигантской соперницы Джульетты закрывала маска, завязанная на затылке колючей проволокой, которая, как подозревал Дворецки, на самом деле была пластиковая.

По сравнению с противницей Джульетта казалась куколкой, великанша явно превосходила ее. Ее личико под маской подутратило самоуверенность, и она обратилась за помощью в свой угол ринга, но в ответ стереотипный тренер в кепке, словно приглашенный со съемочной площадки «кино про реслинг», лишь равнодушно пожал плечами.

«А матч-то идет по сценарию, – понял Дворецки. – Никакой опасности».

Он придвинул к монитору стул, уселся и стал наблюдать за сестрой.

В первом раунде Дворецки ничего не встревожило. Потом, во втором, Джульетта оказалась слишком близко к сопернице, и та бросилась на нее с поразительной скоростью.

– О-о-ох! – выдохнула большая часть толпы.

– Сломай ее пополам, Самсонетта! – завопили менее милосердные зрители.

«Самсонетта, – подумал Дворецки. – Подходящее имя».

Но и это его не беспокоило. Насколько он видел, Джульетта могла выйти из захвата Самсонетты дюжиной приемов, никак не меньше. Для применения большинства ей даже руки не понадобились бы. Например, можно провести ложный захват с резким падением.

Занервничал Дворецки лишь тогда, когда увидел с дюжину мужчин в полувоенного покроя плащах, направлявшихся к рингу вдоль дальней стены.

«Плащи? В Канкуне? Зачем надевать плащ в Мексике, если только не собираешься что-нибудь под ним спрятать?»

Слишком зернистое изображение не позволяло разглядеть подробности, но что-то в этих парнях и в их манере двигаться настораживало Дворецки. Они перемещались целеустремленно, скрытно, стараясь держаться в темноте.

«Время есть, – уговаривал себя Дворецки, уже разрабатывая план действий. – Может оказаться ложная тревога, а может и реальная опасность. Я не могу рисковать, когда на карту поставлена жизнь Джульетты».

Он окинул взглядом гримерную в поисках предмета, пригодного в качестве оружия. Не повезло. Пара стульев, много блесток и грима, корзина со старыми костюмами.

«Блестки и грим мне не понадобятся», – подумал Дворецки, запуская руки в корзину.

Очутившись в объятиях соперницы, Джульетта Дворецки почувствовала легкий приступ клаустрофобии.

– Полегче, Сэм, – прошипела она. – Ты меня задушишь.

Самсонетта затопала по брезенту ринга так, чтобы глухие удары эхом разносились по залу, одновременно делая вид, будто еще сильнее сжимает шею соперницы.

– Так надо, Джул, – прошептала она со стокгольмским акцентом, растягивая гласные. – Я завожу толпу, забыла? Потом ты меня делаешь.

Джульетта повернулась лицом к трехтысячному залу и душераздирающе закричала от боли.

– Убей ее! – вопили добрые зрители.

– Убей ее и сломай пополам! – орали не очень добрые.

– Убей ее, сломай пополам и растопчи останки! – орали откровенно недружелюбно настроенные болельщики, выделявшиеся из толпы призывами к насилию на футболках и слюной на губах.

– Осторожней, Сэм. Маску испортишь. Причем красивую.

Весь костюм Джульетты отличался красотой, и одно это уже делало ее любимицей публики. Обтягивающее трико цвета нефрита и маленькая маска на глазах, на самом деле представлявшая собой слой усыпанного блестками геля.

«Если уж приходится носить маску, – решила практичная Джульетта, – пусть она будет полезной для кожи».

Они подготовились к фирменному приему Самсонетты – броску через голову с помощью поразительной силы рук великанши. Обычно, если у соперницы после этого приема оставалась хотя бы искра энергии, Сэм просто падала на нее, заканчивая схватку. Но поскольку любимицей публики была Джульетта, прием выполнялся иначе. Публика хотела видеть свою Принцессу поверженной, но не без надежды на победу.

Сэм объявила о следующем ходе, спросив у толпы, хочет ли та услышать шлепок тела о ринг.

– Хотите? – закричала она с нарочито выраженным акцентом.

– Да! – заорали зрители, потрясая кулаками.

– Тело шльоп?

– Шлеп! – взревела толпа. – Шлеп! Шлеп!

Некоторые зрители позволили себе более грубые выкрики, но охранники быстро заставили их замолчать.

– Хотите шльоп? Я шльоп! – Обычно Самсонетта говорила более правильно, но антрепренер/режиссер шоу Макс настаивал на том, чтобы она коверкала фразы и растягивала согласные, поскольку это почему-то сводило публику с ума.

Итак, она выгнулась и высоко подбросила несчастную Нефритовую Принцессу. Тут бы схватке и конец, но Принцесса перекувырнулась в воздухе и приземлилась на кончики пальцев рук и ног, и это еще не все – она мгновенно вскочила на ноги и крутанула головой так, что вплетенное в пшеничную косу нефритовое кольцо ударило Самсонетту в челюсть, заставив великаншу рухнуть навзничь.

Самсонетта жалобно взвыла, потирая челюсть, чтобы та покраснела, и закрутилась на ринге, как морж на раскаленном камне.

Актрисой она была бесподобной, и Джульетта даже забеспокоилась, не поранила ли ее кольцом по-настоящему, но тут Сэм незаметно подмигнула ей, и напарнице стало ясно, что это лишь игра.

– Хочешь еще, Самсонетта? – спросила Джульетта, грациозно взлетев на верхний канат. – Или с тебя хватит?

– Хватит, – проскулила ее якобы поверженная соперница и решила порадовать Макса. – Больше не хочет.

Джульетта повернулась к залу.

– Всыпать ей еще?

«О нет! – ответила воображаемая аудитория. – Это уж совсем дикость!»

Но настоящая придерживалась другого мнения.

– Убей ее!

– Двинь ее в центр!

«Что бы это значило? Они и так находились в центре города».

– Покажи ей, что такое боль!

Очевидно, зрители имели в виду нечто более мучительное, чем обычная боль.

«Как я люблю эту публику», – подумала Джульетта, спрыгивая с каната, чтобы нанести решающий удар.

Все должно было пройти безупречно. Грациозное двойное сальто, а потом локтем в живот, вызывая у соперницы протяжное «о-о-ох», но кто-то выскочил из темноты, поймал Джульетту на лету и грубо бросил ее в угол ринга. Другие безмолвные и мускулистые мужчины навалились на нее, и скоро осталась видна только одна обтянутая зеленой тканью нога.

Дворецки, прятаясь за одной из осветительных стоек, почувствовал, как сердце ухнуло куда-то вниз, превратившись в кислый комок страха.

– Теперь мой ход, – пробормотал он.

Хотя меньше всего в эту минуту Дворецкий был настроен поиграть.

Публика аплодировала неожиданному появлению ниндзя-лучадоров в фирменных черных костюмах, до поры скрытых плащами. Они, несомненно, прибыли отомстить за последнее поражение своего хозяина от рук и ног Нефритовой Принцессы на арене Квадролэм в Мехико. Незванные гости часто появлялись во время представлений, но целый отряд ниндзя стал приятной неожиданностью.

Ниндзя сплелись в тугой клубок, поскольку каждому из них не терпелось ударить Нефритовую Принцессу, и хрупкой девушке оставалось только лежать и принимать град ударов.

На ринге бесшумно возник Дворецки. Элемент неожиданности часто определял разницу между победой и поражением в ситуациях «все против нас», но, честно оценив положение, Дворецки вынужден был признать, что преимущество на его стороне, несмотря на численное превосходство ниндзя двенадцать к одному. Двенадцать к двум, если, конечно, Джульетта не потеряла сознание, то есть шесть к одному – практически равные шансы. Буквально за мгновение до этого Дворецки чувствовал себя неловко в позаимствованном костюме из искусственной медвежьей шкуры и маске, но смущение мгновенно испарилось, как только он переключился в боевой режим, то есть заставил себя мыслить холодно, быстро и рассудительно.

«Эти люди обижают мою сестру», – подумал он, и горячая струйка ярости разрушила ледяную оболочку профессионализма.

Пора приниматься за дело.

Зарывав, что вполне соответствовало костюму Бешеного Медведя, Дворецки проскользнул под нижним канатом, выкатился на ринг, быстро пересек площадку и принялся избивать ниндзя вызывающе экономными движениями. Он не произносил угрожающих монологов, даже не топал ногами, возвещая о своем появлении, – то есть вел себя очень нелюбезно. Он просто раскидывал ниндзя, словно башню «дженга»⁷.

Тридцать секунд на ринге мелькали руки и ноги и раздавались пронзительные крики, которые сделали бы честь истеричным подросткам на концерте рок-группы, и в итоге Джульетта оказалась на свободе.

Дворецки, убедившись, что с сестрой ничего страшного не случилось, улыбнулся под маской.

– Привет. Я успел.

В знак благодарности за спасение жизни Джульетта ударила его четырьмя прямыми пальцами в солнечное сплетение, мгновенно сбив дыхание.

– А-аррх! – прохрипел он. – Шдееш?

Очевидно, это означало: «Что ты делаешь?»

Двое ниндзя пришли в себя и попытались нанести несколько стилизованных ударов по нападшему на них Медведю, но в награду получили несколько небрежных пощечин.

– Уймись! – рявкнул восстановивший дыхание Дворецки, злобно на них зыркнув. – У нас тут семейный разговор.

Краем глаза он уловил стремительное движение в свою сторону и машинально выбросил руку, поймав вплетенное в светлую косу сестры нефритовое кольцо.

– Ух ты! – сказала Джульетта. – Это никому и никогда не удавалось.

– Правда? – отозвался Дворецки, выпустив из ладони кольцо. – Никому-никому?

Глаза Джульетты под маской округлились.

– Никому, кроме... Братишка, ты?

Прежде чем Дворецки успел ответить, Джульетта шагнула в сторону и предплечьем сбила с ног одного из ниндзя. Тот, возможно, подкрадывался к ним, но, скорее всего, просто хотел

⁷ «Дженга» – настольная игра: игроки по очереди достают блоки из основания башни и кладут их наверх, делая башню все более высокой и все менее устойчивой.

побыстрее убратся с ринга, превратившегося в арену реальной боли, а не убедительно изображаемых мучений.

– Вы что, не слышали? Нам надо потолковать по-семейному.

Скулящие ниндзя прижались к канатам. Даже Самсонетта, судя по всему, несколько напряглась.

– Брат, ты помешал мне закончить матч-реванш. Что ты здесь делаешь? – спросила Джульетта.

Многим людям понадобилось бы несколько минут, чтобы заподозрить неладное, но только не Дворецки. Годы работы телохранителем Артемиса научили его все схватывать на лету.

– Ясно, ты не меня вызывала. Уходим, мне нужно спокойно все обдумать.

Джульетта капризно оттопырила нижнюю губу, как десять лет назад, когда Дворецки запретил ей обрить голову наголо.

– Я не могу уйти. Поклонники ждут, когда я наконец пройду по рингу колесом и уложу тебя фирменным приемом.

Она говорила правду. Фанаты Нефритовой Принцессы подпрыгивали на сиденьях и требовали крови Бешеного Медведя.

– Если я просто слиняю, может начаться бунт.

Дворецки поднял взгляд на гигантский экран, подвешенный к потолку, и увидел собственное увеличенное изображение, способное вызвать головную боль у любого человека.

Из старомодных конических динамиков, прикрепленных к углам экрана над головой, прогремел голос:

– Ребята, кто это такой? Неужели Бешеный Медведь явился сокрушить своего заклятого врага – Нефритовую Принцессу?

Джульетта выпятила подбородок.

– Макс. Во всем ищет выгоду.

– Джульетта, у нас нет на это времени.

– Кто бы он ни был, – продолжил Макс, – мы не позволим ему просто уйти с нашей Принцессой, верно, amigos?

Судя по громкой и продолжительной реакции, заплатившим за представление не понравилась мысль о беспрепятственном отбытии Бешеного Медведя с Принцессой под мышкой. В выражениях они не стеснялись, и Дворецки мог поклясться, что от криков задрожали стены театра.

Дворецки сделал три быстрых шага к канатам и погрозил пальцем какому-то коротышке с микрофоном в руке.

К его изумлению, коротышка вскочил на стол и принялся топтать собственную шляпу, надрываясь в микрофон:

– Ты осмеливаешься угрожать мне, Бешеный Медведь? После всего того, что я для тебя сделал? Лесники нашли тебя в стае гризли, и кто дал тебе приют? Макс Шетлин, вот кто! И так-то ты решил отблагодарить меня?

Дворецки предпочел не обращать внимания на его болтовню.

– Ладно, Джульетта. Нам пора. Времени совсем нет. Кто-то вознамерился нейтрализовать меня. Вероятно, тот, у кого зуб на Артемиса.

– Твоему предположению, братец, остро не хватает точности. У Артемиса куда больше врагов, чем у тебя, а у тебя их в данный момент немало.

И верно. Толпа грозно ревела, по большей части не всерьез, однако зоркие глаза Дворецки заметили в первом ряду нескольких фанатов, уже готовых брать ринг штурмом.

«Надо что-то сделать, – подумал он. – Показать этим людям, кто здесь хозяин».

– Кыш с ринга, Джул. Немедленно.

Джюльетта подчинилась без единого слова: у Дворецки было такое лицо... В последний раз, когда она видела его таким, брат пробил кулаками борт похищенной сомалийскими пиратами яхты, потопив судно в Аденском заливе.

– Самсонетту не трогай, – сказала она. – Мы подруги.

Дворецки неодобрительно покачал головой.

– Подруги? Я знал, что вы прикидываетесь.

Самсонетта и ниндзя усердно махали кулаками в дальнем углу ринга. А еще они топали ногами и делали угрожающие жесты, не причиняя никому ни малейшего вреда.

Когда Джюльетта покинула ринг и оказалась в относительной безопасности, Дворецки вернулся в свой угол и ударил плечом в привязанную к стойке подушку. От удара стойка зашаталась в гнезде.

– Бешеный Медведь действительно взбесился! – завопил Макс. – Решил поколотить ринг! Ниндзя, неужели вы допустите это? Этот человек посмел осквернить сам символ наших спортивных традиций!

Отряд ниндзя, похоже, вовсе не возражал против некоторого осквернения символа, только бы на них не набросился этот человек-гора, разметающий пирамиду из их тел с легкостью ребенка, ломающего карточный домик.

Дворецки еще раз ударил по стойке и вырвал ее из гнезда. Приподняв металлический столбик, он нырнул под канаты и принялся скручивать ринг.

Опешившие от его беспрецедентных действий зрители только через несколько минут поняли, что происходит. В будущем этот трюк получит название «выжималка» и сделает настоящего Бешеного Медведя, в данный момент валявшегося пьяным в темном переулке, истинной суперзвездой ринга.

Даже красноречие Макса Шетлина иссякло, пока его мозг пытался осмыслить происходящее.

Дворецки, воспользовавшись общим замешательством, повернул стойку полдюжины раз, вырвав из основания еще две.

«Оказывается, это не так уж и трудно, – подумал он, глядя на собственное изображение на гигантском экране. – Ринг похож на перевернутую палатку. Тут даже упитанный подросток справился бы».

Он собрал все три стойки в руках и ловко завертел ими, скручивая ринг плотнее и плотнее.

Двоим ниндзя хватило ума улизнуть, пока оставалась такая возможность, но большинство замерло с отвисшей челюстью, а еще двое предпочли думать, что все это им снится, и поэтому сели и закрыли глаза.

Дворецки кивнул Самсонетте.

– Проваливайте, мисс.

Самсонетта сделала реверанс, начисто выпав из образа, и проскочила под канатами вместе с одним ниндзя, оказавшимся достаточно смышленным, чтобы воспользоваться возникшей передышкой.

Остальных прижимало друг к другу все плотнее и плотнее, по мере того как Дворецки скручивал канаты. При каждом обороте раздавались стоны старых канатов и зажатых между ними людей. Толпа наконец оценила прием и принялась скандировать при каждом обороте. Некоторые зрители с ликованием подбадривали Дворецки и призывали выдавить воздух из легких ниндзя, но телохранитель хотел лишь, чтобы их хорошенько помяло, как пассажиров лондонской подземки в час пик. Потом он оттащил беспомощных ниндзя к краю ринга и вставил стойку в гнездо.

– Я уйду, – сообщил он. – А вам всем советую оставаться на местах, пока я по меньшей мере не покину страну, иначе я очень расстроюсь.

Дворецки не владел гипнотическими чарами волшебного народца, но речь его произвела должное впечатление.

– Ладно, Медведь, расслабься, – сказал единственный ниндзя в белой бандане, очевидно командир. – Ты действуешь совсем не по сценарию. Макс сойдет с ума.

– Макс – это моя забота, – сказал Дворецки. – А твоя забота сейчас – чтобы я не позаботился о тебе.

Ниндзя от удивления поднял брови так, что морщины на лбу проступили даже сквозь бандану.

– Что? О какой заботе заботиться?

Дворецки заскрежетал зубами. Вести подобные диалоги в жизни гораздо труднее, чем в кино.

– Просто не шевелись, пока я не уйду. Понятно?

– Конечно. Так бы и сказал.

– Я знаю.

Бредовость ситуации вгоняла Дворецки в тоску. Он повернулся к сестре.

– Хватит. Мне надо уйти куда-нибудь и подумать. Куда-нибудь, где нет лайкры.

– Хорошо, Дом. Следуй за мной.

Дворецки спустился с площадки.

– И прекрати полоскать мое имя. Оно считается секретным.

– Только не для меня. Я же твоя сестра.

– Возможно. Но здесь тысячи посторонних людей и почти столько же камер.

– Я же не произнесла твое полное имя. Если бы я сказала Домо...

– Замолчи! – оборвал ее Дворецки. – Я не шучу.

До служебного выхода оставалось метров двадцать, и сердце Дворецки согревал привычный ритм семейных пререканий.

«Кажется, у нас все получится», – подумал он в редкий миг оптимизма.

И тут на огромном экране появилась пара гигантских горящих красных глаз. И хотя обычно глаза такого цвета ассоциировались с неприятностями – например, с вампирами, ожогами хлоркой и конъюнктивитом, – эти смотрели дружелюбно и вызвали безграничное доверие. На самом деле любой, глядящийся в бурлящую бездну этих глаз, понимал, что все его проблемы решатся, если только выполнять приказы владельца этих глаз.

Дворецки случайно поймал эти глаза периферическим зрением, но тут же поспешил опустить голову.

«Подземная магия, – догадался он. – Сейчас всю толпу загипнотизируют».

– Посмотрите мне в глаза, – раздался голос из каждого динамика в зале. Каким-то образом он проник во все камеры и во все телефоны зрителей.

– Надо же, – произнесла Джульетта странным монотонным голосом, совсем не подходящим для восклицания. – И правда, я должна посмотреть в эти глаза.

Возможно, Джульетта не послушалась бы вкрадчивого голоса, помни она о своем общении с волшебным народцем. К сожалению, все эти сведения были стерты из ее памяти.

– Заблокируйте выходы, – приказал голос. – Заблокируйте все выходы. Используйте собственные тела.

Джульетта сорвала с лица маску, мешавшую смотреть на экран.

– Братец, мы должны заблокировать все выходы своими телами.

Дворецки прикинул, насколько ухудшится ситуация, если тысячи поклонников реслинга бросятся по проходам к дверям в стремлении физически их заблокировать.

«Заблокировать все выходы своими телами. Эта тварь выразилась весьма конкретно».

Дворецки не сомневался, что скоро последует еще один приказ, только вряд ли он будет гласить: «А теперь возьмитесь за руки и пойте хором». Нет, телохранитель был уверен, что ничего благодушного с экрана не донесется.

– А теперь убейте Медведя и Принцессу, – произнес полный гипнотических чар голос. Динамики не успевали ловить магическую волну, и «с» в слове «Принцессу» несколько подтянулось.

«Убейте Медведя и Принцессу. Прелестно».

Дворецки увидел, как вспыхнули злобой глаза сестры, когда она поняла, что Медведь – это он. Интересно, а как она поступит, когда наконец поймет, что Принцесса-то она?

«Не имеет значения, – понял он. – Мы оба можем умереть задолго до этого».

– Убейте Медведя и Принцессу, – монотонно произнесла Джульетта в полном согласии с загипнотизированной толпой.

– И не слишком торопитесь, – продолжил волшебный голос, в нем появились веселые нотки. – Пусть немного помучаются. Как это вы, люди, говорите? Пусть плачут кровавыми слезами!

«Шут гороховый, – констатировал Дворецки. – Значит, это не Опал Кобой».

– Придется убить тебя, братец, – сказала Джульетта. – Мне очень жаль. Правда.

«Вряд ли получится», – подумал Дворецки. В удачный день, если его напичкать снотворным и завязать глаза, она, возможно, и сумела бы нанести ему незначительные повреждения, но по опыту он знал, что загипнотизированные люди отличаются тупостью и медлительностью. Большая часть мозга отключалась, а оставшейся Нобелевская премия явно не светила.

Джульетта попыталась нанести удар ногой с разворота, но потеряла равновесие и оказалась в объятиях брата. Вот только ее нефритовое кольцо завершило оборот и угодило ему в ухо.

«Сестренка умеет быть той еще головной болью даже под гипнозом».

Дворецки легко поднял Джульетту на руки и напряг мышцы, приготовившись к броску.

– Убить тебя, – пробормотала сестра. – Прости. Должна. – Потом добавила: – Волшебный народец? Ты шутишь?

Вспомнила осаду родового поместья Фаулов? Неужели чары случайно активировали воспоминания?

С этим можно и потом разобраться – если для них будет «потом». Дворецки вполне верил в собственные силы, но сомневался, что сумеет уделать полный театр зомби, даже не слишком быстроногих.

– Приступайте к работе, мои земные слуги, – произнес голос обладателя красных глаз. – Погрузитесь в самые темные глубины вашего мозга, если таковые у вас имеются. Не оставляйте никаких улик для властей.

«Не оставляйте улик? А как им предлагается поступить с уликами?»

Об этом не хотелось даже думать.

«Улики-улитки? Ха-ха-ха, – подумал Дворецки. – Шутки? У меня есть время шутить? Неужели я настолько вымотался? Соберись. Бывало и хуже».

Правда, глядя на сотни неуклюжих новоявленных психов, ковыляющих к нему с верхних ярусов, Дворецки никак не мог вспомнить, когда именно.

Низенький и толстый мужчина за сорок в футболке гробовщика и каске на две банки пива указал на Дворецки пальцем.

– Медве-е-едь! – завопил он. – Медве-е-едь и Принцесса!

Дворецки позаимствовал слово из лексикона волшебного народца.

– Дарвит, – произнес он.

Глава 3

Восход Ориона

Ватнайёкюдль, Исландия, настоящее время

Артемис бросало из одного психоза в другой.

– Ты не настоящий! – кричал он падающему кораблю. – Ты просто-напросто бредовая иллюзия, дружок!

И тут же впадал в состояние паранойи.

– Это ты все придумала! – кричал он Элфи. – Кто твои сообщники? Жеребкинс, конечно. Дворецки? Ты настроила моего верного телохранителя против меня? Взломала его мозг и напихала туда собственных убеждений?

Лежа на крыше, Элфи улавливала через направленный микрофон шлема лишь каждое второе слово, но ей и этого хватало, чтобы понять, что Артемис перестал быть клиническим приверженцем строгой логики, каким был раньше.

«Если бы прежний Артемис увидел нового, он бы со стыда сгорел».

Как и Дворецки, Элфи даже в этот тяжелый час с трудом удавалось контролировать свое мятежное чувство юмора.

– Ложись! – крикнула она. – Корабль настоящий!

– Ага, ты хочешь, чтобы я так думал! А корабль всего лишь шестеренка в твоём хитром заговоре... – Артемис замолчал. Если корабль – шестеренка в заговоре, а заговор настоящий, значит и корабль должен быть настоящим. – Пять! – вдруг выпалил он, на мгновение позабыв обо всем. – Пять, десять, пятнадцать.

Он вытянул растопыренные пальцы в сторону корабля и бешено ими замельтешил.

«Приветствие десятью пальцами. Уж это-то точно должно рассеять видение».

И казалось, жест и впрямь подействовал. Четыре дисковидных ускорителя, волочившиеся за главным корпусом, словно беспомощные марионетки за испуганным кукловодом, вдруг перевернулись и выпустили в сторону земли жирные пузыри антигравитационных импульсов, замедливших темпы снижения со скоростью на первый взгляд невозможной для корабля столь неэлегантных пропорций.

– Ха! – радостно закричал Артемис. – Я отлично контролирую собственную реальность. Ты это видела?

Элфи прекрасно видела, что ничего Артемис не контролирует, а просто наблюдает приземление космического зонда волшебного народца. Сама она никогда не пилотировала предназначенные для исследования дальнего космоса суда, но тем не менее знала, как легко погибнуть, стоя под таким бегемотом, когда он выпускает антигравитационные пузыри, и никакие растопыренные пальцы не помогут.

«Я должна встать».

Но искалеченные ноги прижимали к крыше не хуже свинцового одеяла.

«По-видимому, сломан таз. Может, и лодыжка».

Благодаря своему другу-демону Номеру Первому, постепенно становившемуся самым могущественным колдуном из когда-либо зачисленных в университет, Элфи обладала целебной магией необычайной силы, и эта магия принялась исцелять ее раны, но недостаточно быстро. Еще пара секунд, и один из антигравитационных пузырей разорвет Артемиса на куски, или сам корабль приземлится ему на голову. И не нужно быть гением, чтобы догадаться о последствиях, хотя это не важно, поскольку в данный момент Артемис на гения явно не тянул.

– Прошу помощи, – произнесла она в микрофон слабым голосом. – Кто-нибудь меня слышит? Хоть кто-нибудь?

Никто не отозвался. Тех, кто находился внутри шаттла, не спасла бы даже магия, а Жеребкин до сих пор торчал вверх ногами в сугробе.

«Слишком поздно, даже окажись кто-нибудь рядом».

Длинные извилистые трещины поползли по поверхности льда от мест попадания антигравитационных импульсов, как после ударов молотком. Лед трещал, как горящий хворост, и проваливался, обнажая подледные каверны.

Размером корабль не уступал зерновому элеватору и, казалось, сопротивлялся тяге связанных двигателей, изрыгая облака пара и струи жидкости. Артемис окатило ракетным топливом, и реальность судна стало отрицать труднее. Но одной черты характера Артемис не лишился, а именно – упрямства, поэтому он не сдавал позиций, отказываясь уступить последнему пisku здравого смысла.

– Кого это интересует! – пробормотал он.

Элфи каким-то образом услышала последние слова и подумала: «Меня».

Отчаянная ситуация требовала отчаянных решений.

«Терять нечего», – подумала Элфи, нащупывая кобуру на бедре.

Она выхватила пистолет чуть менее плавно, чем обычно. Проверять синхронизацию оружия со шлемом все равно было некогда. Эльфийка просто нажала большим пальцем командный датчик и четко произнесла в микрофон:

– Пистолет. – (Пауза для ответного сигнала.) – Не смертельный. Широкий угол, контузия.

– Прости, Артемис, – прошептала она и выпустила в друга мощный трехсекундный импульс.

Когда Элфи нажимала на курок, Артемис, стоя по щиколотку в снежно-водяной каше, произносил напыщенную речь.

Луч поразил его, словно удар гигантского электрического угря. Тело отбросило далеко в сторону за мгновение до сопровождаемой жутким грохотом костедробильной посадки зонда, буквально уничтожившей место, где только что стоял Артемис.

Юноша мешком упал в кратер и исчез из поля зрения Элфи.

«Плохо дело», – подумала она, но перед глазами у нее заплясали любопытными янтарными светлячками искры ее собственной магии.

«Отключаюсь, – сообразила она. – Магия погружает меня в сон, дабы завершить исцеление».

Краем глаза капитан Малой увидела, как в брюхе зонда открылся люк и гидравлическая система медленно опустила трап. Что-то спускалось на землю.

«Надеюсь, я проснусь, – подумала Элфи. – Ненавижу этот лед и не хочу замерзнуть насмерть».

Потом она закрыла глаза и не почувствовала, как ее безвольное тело скатилось по крыше и упало в сугроб.

Спустя от силы минуту веки Элфи дрогнули, и она открыла глаза. Пробуждение казалось дерганым и нереальным, будто снятые в зоне боевых действий документальные кадры. Элфи не помнила, как вставала, но вдруг оказалась на ногах, и ее тащил куда-то Жеребкин, совершенно растрепанный, наверное потому, что его великолепная челка обгорела и торчала вороньим гнездом. Но в первую очередь он был подавлен.

– Давай же, капитан! – крикнул Жеребкин, и Элфи почудилось, будто движения его губ не совсем соответствуют звукам. – Надо уходить.

Элфи откашлялась янтарными искрами, на глаза навернулись слезы.

«Янтарная магия? Старею».

Жеребкин схватил ее за плечи и потряс.

– Соберись, капитан. Работа не ждет.

Кентавр использовал шоковую психологию. Элфи отлично это понимала – помнила пройденный в Полис-Плаза штатный курс обучения.

«В случае возникновения боевого стресса апеллировать к профессионализму солдат. Неоднократно напоминать им о долге. Настаивать на исполнении ими своих обязанностей. Это не окажет долгосрочного исцеляющего воздействия на какие бы то ни было психологические травмы, но, возможно, позволит вернуться на базу».

Вела курс майор Винияйя.

Элфи заставила себя сосредоточиться. Ноги ниже колен казались хрупкими, поясницу покалывало от боли, всегда приходящей после исцеления, – этот эффект называли магическим ожогом.

– Артемис жив?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.